

13.390

Профессоръ Т. В. ЛОКОТЬ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И РЕВОЛЮЦІЯ

(Политическія параллели 1613-1917 г.)

Львів. Бібліотека
А. УРСР

Издательство „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ“ Берлинъ
1923.

06
10
Профессоръ Т. В. ЛОКОТЬ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И РЕВОЛЮЦІЯ

(Политическія параллели 1613-1917 г.)

Гелозимир,
Львів. Библиотека
АН. УРСР

13.390

Издательство „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ“ Берлинъ
1923.

T3(2)0-4

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНІЮ
ВЫСШАГО МОНАРХИЧЕСКАГО СОВѢТА.

Право собственности закрѣплено.

— Печатано въ типографіи Об-ва „Presse“. —
Berlin S. W. 19. Leipzigerstrasse 59.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Въ переживаемый моментъ русскіе люди невольно ищутъ аналогіи въ русской исторіи, стремясь почерпнуть вѣру и надежду, что и страшныя разрушенія нынѣшней революціи окончатся для Россіи не политической смертію, а воскресеніемъ и новымъ усиленіемъ мощи и могущества. Смутное время на Руси, внѣшнее начало котораго обычно связывается съ прекращеніемъ династіи Св. Владиміра — послѣ смерти Царя Ивана Васильевича Грознаго и его сына Федора, — закончилось избраніемъ въ февралѣ 1613 г. на Царство новой династіи — Романовыхъ, давшей странѣ успокоеніе, быстрое внутреннее и внѣшнее укрѣпленіе, ростъ, могущество и величіе.

Опасность политической смерти и въ Смутное Время была для Русскаго Царства безспорно велика. Та же сложная, упорная и безпорядочная внутренняя борьба — и политическая, и социальная. Та же жестокость, демагогія и терроръ въ этой борьбѣ. Та же слабость, безавторитетность государственной власти въ защитѣ и самой себя, и государства. Тотъ же групповой и личный эгоизмъ борющихся — пестрота и множественность партій и группъ; та же несговорчивость въ началѣ и въ разгаръ Смуты. То же неблагопріятное сочетаніе внѣшнихъ условий и тѣ же — прямыя или косвенныя — международныя воздѣйствія.

Неудачная — по конечнымъ результатамъ — Ливонская война, задуманная Иваномъ Грознымъ еще въ юношескомъ его возрастѣ — въ 1557 г., черезъ десять лѣтъ послѣ принятія имъ царскаго вѣнца, когда онъ столкнулся съ несочувствіемъ и съ противодѣйствіемъ окружающаго его боярства въ этой его глубоко государственной идеѣ — *бороться за Балтійское море* съ обладавшимъ имъ тогда Ливонскимъ орденомъ. Но Грозный началъ эту войну — въ 1558 г. и быстро завладѣлъ всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ. Конечно, это столкнуло его уже съ болѣе сильными сосѣдями — съ Литвой и Швеціей. Послѣ 25 лѣтъ тяжелой борьбы — въ 1583 г. Грозному пришлось принять миръ, по которому всѣ его завоеванія въ началѣ войны снова отошли къ его противникамъ. А экономическое и военное истощеніе государства отъ этой тяжелой внѣшней борьбы, конечно, явилось однимъ изъ весьма крупныхъ, основныхъ условій, способствовавшихъ развитію Смуты. Та же Ливонская война создала вообще обостренное отношеніе къ Московскому Царству всей Западной Европы, до сихъ поръ почти не замѣчавшей Московіи, а теперь вдругъ почувствовавшей въ ней новую, растущую международную силу, опасную, если не въ данный моментъ, то въ будущемъ, — силу, противъ роста которой нужно было принять всѣ мѣры — и военныя, и политическія, въ томъ числѣ, конечно, и въ смыслѣ поддержанія «смуты», если бы таковая въ государствѣ возникла.

«Выступленіе Грознаго въ борьбѣ за Балтійское море, — говоритъ проф. С. Ф. Платоновъ *), — появленіе русскихъ войскъ у Рижскаго и Финскаго заливовъ и наемныхъ московскихъ каперскихъ судовъ на Балтійскихъ водахъ — поразило Среднюю Европу. Въ Германіи «москвиты» представлялись страшнымъ врагомъ; опасность ихъ нашествія расписывалась не только въ официальныхъ сношеніяхъ властей, но и въ обширной

*) Лекціи по русской исторіи изд. 8-е СПБ. 1913г. стр. 184. Фактическая сторона смутнаго времени въ настоящемъ очеркѣ приводится по этому источнику.

литературѣ листовъ и брошюръ. Принимались мѣры къ тому, чтобы не допускать ни московитовъ къ морю, ни европейцевъ въ Москву и, разобщивъ Москву съ центрами европейской культуры, воспрепятствовать ея политическому усиленію».

Авангардъ Германіи въ ея исторически неизбѣжномъ стремленіи на славянскій востокъ, — Ливонскій орденъ, — былъ тамъ рѣшительно и быстро сломенъ Грознымъ. Славянскій исполинъ, еще лишь еле-еле развернувшійся, сразу показалъ себя. Естественно, что онъ уже тогда породилъ въ Европѣ не только вниманіе, но и тревогу, политическія опасенія. Особенно ясно почувствовала опасность — для будущаго — дальновидная Германія, а для настоящаго — непосредственная сосѣдка — Литва-Польша и Швеція. Англія въ то время только еще завязывала — въ 1553 г. — свои торговыя сношенія съ Россіей черезъ устья С. Двины, на которыхъ въ 1584 г. Грознымъ и былъ заложенъ Архангельскъ, какъ морской портъ для торговли съ англичанами, быстро освоившимися съ русскимъ сѣверомъ и оцѣнившими его.

Въ періодъ Смуты въ Москвѣ были уже посольства всѣхъ главнѣйшихъ западныхъ государствъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти посольства слѣдили за Смутой съ живѣйшимъ вниманіемъ и — надо думать — не безъ мысли о томъ, что Смута можетъ быть использована, тѣмъ или другимъ способомъ, и въ интересахъ сосѣдей. Освѣдомленность западныхъ пословъ въ русскихъ дѣлахъ была — и тогда — очень велика. Англійскій посолъ въ Москвѣ Флетчеръ издалъ въ 1591 г. въ Лондонѣ книгу о Россіи (*On The Russ. Common Wealth.*), въ которой онъ предсказывалъ предстоящій *династическій переворотъ*: «Младшій братъ Царя — Федора Ивановича, — дитя лѣтъ шести или семи — царевичъ Дмитрій, — содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы — въ Угличѣ — подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ. Но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушенія тѣхъ,

которые простирають свои виды на престоль въ случаѣ бездѣтной смерти Царя... Царскій родъ въ Россіи, *повидимому*, скоро пресѣчется со смертью особъ, нынѣ живущихъ, и произойдетъ переворотъ въ Русскомъ Царствѣ».

Внѣшняя аналогія Смутнаго Времени съ нынѣшней революціей — и въ этомъ пунктѣ — знаменательная: и тогда англійскій посолъ предсказывалъ переворотъ въ Русскомъ Царствѣ, и въ 1917 году онъ могъ бы предсказать его съ безошибочностью. Правда, тогда англійскому послу легче было сказать: «Царскій родъ въ Россіи, *повидимому*, скоро пресѣчется». Въ 1917 г. англійскій посолъ едва ли могъ думать объ этомъ даже «*повидимому*». Тогда пресѣченіе Царскаго рода дѣйствительно явилось основной внѣшней осью, вокругъ которой развивалась и вращалась Смута. Въ 1917 г. «пресѣченіе Царскаго рода» явилось скорѣе одной изъ цѣлей революціи, достиженію которой наши западные сосѣди не стремились ставить особенныхъ — ни матеріальныхъ, ни моральныхъ — препятствій.

Но во всякомъ случаѣ аналогія существуетъ — во внѣшнихъ условіяхъ въ томъ смыслѣ, что и въ Смутное время, и въ нынѣшнюю революцію, отношеніе сосѣдей къ Россіи было окрашено вполне опредѣленнымъ недоброжелательствомъ и подозрительностью къ растущему ея политическому могуществу. Отчасти есть аналогія даже и въ «капиталистическихъ» цѣляхъ западныхъ сосѣдей по отношенію къ Россіи: и тогда, какъ и теперь, западный капиталъ рассчитывалъ на облегченіе путей его проникновенія въ Россію; и на болѣе льготное его положеніе, можетъ быть, именно непосредственно подъ вліяніемъ Смуты. По крайней мѣрѣ — на это указываетъ открытая жалоба московскихъ торговыхъ людей въ царствованіе Михаила Федоровича. На соборѣ 1642 г. и купеческій людъ жаловался: «А торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы — Нѣмцы и Кизильбашцы (персіяне)». Сразу послѣ Смуты иностранные купцы, пользуясь

труднымъ финансовымъ положеніемъ государства, добились всевозможныхъ льготъ, вплоть до беспошлинной торговли, которая была предоставлена англичанамъ въ самомъ началѣ царствованія Михаила Федоровича; голландцамъ тогда же было предоставлено право торговать съ половинной пошлиной. Ясно, что русскіе купцы этими льготами иностранцамъ были поставлены въ болѣе трудныя условія конкуренціи. И — начиная съ 1613 г. и до самаго конца царствованія Михаила Федоровича — въ 1645 г. и даже — въ началѣ царствованія Алексѣя Мих. — въ 1649 г. — русскіе купцы все подаютъ челобитныя — о лишеніи иностранныхъ купцовъ ихъ привиллегій. Русскій торговый классъ, ослабленный смутой, угнетался и по возстановленіи политическаго порядка, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, иностраннымъ капиталомъ, стремившимся занять въ Россіи монопольное положеніе. И новая власть, безспорно національная, вынуждена была тѣмъ не менѣе на уступки иностранному капиталу — въ явный ущербъ національной торговлѣ, въ ущербъ росту русскаго торговаго класса, въ ущербъ развитію національной буржуазіи.

Есть — если хотите — аналогія даже и въ такомъ вопросѣ, какъ *земельный*: какъ передъ Смутой, такъ и послѣ нея, земельныя отношенія того времени волновали такъ же остро, какъ и теперь — передъ революціей, въ время нея и, конечно, послѣ нея. Но внутренній смыслъ земельного вопроса тогда и теперь былъ далеко не одинаковый; соціальныя слои, имъ заинтересованные, и значеніе его для народнаго хозяйства были далеко не одни и тѣ же.

Наконецъ, есть извѣстная аналогія даже и въ жизни Церкви: и во время Смуты были попытки, особенно извнѣ, главнымъ образомъ со стороны католичества, подорвать крѣпость и независимость Православія, какъ и теперь — Православная Церковь является предметомъ упорныхъ и ожесточенныхъ натисковъ со стороны вождей и друзей революціи, да и со стороны все того же католичества. Однако, тогда среди вождей и друзей Смуты, вѣроятно и почти совсѣмъ, не было того самаго

непримиримаго врага Православной Церкви и всего Христіанства, который теперъ является главнымъ вождемъ революціи — революціоннаго еврейства.

Аналогій, схватываемыхъ по внѣшнимъ формамъ и проявленіямъ, можно найти сколько угодно. Но едва ли мы можемъ признать научно справедливой и вѣрной формулу: «исторія повторяется». Исторія не *повторяется*, а *развивается*. Жизненные, въ томъ числѣ и общественные, явленія и интересы въ существѣ своемъ, можетъ быть, и достаточно одинаковы — даже отъ первобытнаго человѣка до утонченнаго представителя современнаго культурнаго человѣчества: въ основѣ этихъ явленій и интересовъ лежатъ прежде всего элементарныя потребности жизни — добыча средствъ къ существованію; борьба за эти средства къ существованію; борьба — въ связи съ этимъ — за власть въ общественныхъ организаціяхъ человѣка; борьба за прогрессивныя измѣненія въ принципахъ этихъ организацій, т. е. за измѣненія, наиболѣе и наилучше обезпечивающія все ту же борьбу за существованіе въ данный историческій моментъ и т. д., и т. д. Съ этой точки зрѣнія аналогіи можно найти въ любыхъ, сходныхъ по своей внутренней сущности, моментахъ исторіи, — не только одного народа, но и различныхъ народовъ, различныхъ періодовъ исторіи.

Но — все же исторія не повторяется, а развивается. Смутное время, конечно было — революціонное время по внутреннему смыслу, хотя и не было революціей въ современномъ пониманіи этого слова. Смута конца XVI и начала XVII вѣка въ Россіи, конечно, была революціей, но по внутреннему смыслу и содержанію можетъ быть даже гораздо болѣе глубокой, органической и, несомнѣнно, болѣе *національной* революціей, чѣмъ революція 1917-1922 г. г.. Смута является дѣйствительно крупнѣйшимъ историческимъ переломомъ въ жизни и развитіи Россіи, перенесшимъ ее изъ періода примитивнаго, хаотическаго «феодализма» — боярства, съ его столь же примитивными феодально-удѣльными политическими тенденціями, безусловно мѣ-

шавшими концентраціи и консолидаціи народныхъ, національныхъ и государственныхъ силъ, — въ періодъ единой, болѣе твердой, болѣе опредѣленной, болѣе кристаллизованной *государственности* — въ формѣ самодержавной Монархіи.

Избраніе на Царство Романовыхъ, представителей **средняго** боярства того времени, а не кого-либо изъ боровшихся тогда за власть родовитыхъ бояръ Рюриковичей, — совсѣмъ не случайность, а глубоко-органическое явленіе, символизирующее сущность того внутренняго государственнаго процесса, который представлялъ истинное содержаніе и истинный источникъ Смуты. Среднее боярство, среднее дворянство, вообще — средній служилый классъ того времени, это и былъ тотъ политически наиболѣе активный классъ, который представлялъ соціальную опору для идеи сильной, централизованной государственности, т. е. для идеи Монархіи. Монархія — въ то время только и могла опереться на этотъ классъ, да на классъ торговаго, посадскаго городского населенія, интересы котораго безусловно выигрывали отъ укрѣпленія Монархіи. Крестьянство въ массѣ своей тогда еще не могло — въ силу своей эконолической слабости — проявлять политической активности; но и его интересы, — интересы производительнаго земледѣльческаго труда, — конечно, только выигрывали отъ единой и сильной государственности, а не отъ той родовитой, олигархической государственности, въ сторону которой — передъ Смутой и во время Смуты — упорно тянуло родовитое боярство.

Если бы мы захотѣли охарактеризовать — по наиболѣе активному политическому слою, старавшемуся быть или стать опорой верховной государственной власти, періодъ передъ Смутой и періодъ послѣ нея, то мы могли бы сказать, что Россія передъ Смутой и во время Смуты стремилась быть *боярской*, а послѣ Смуты стала *дворянской*, съ тѣмъ, чтобы черезъ два-три столѣтія — стать *крестьянской*. Боярская Россія стремилась къ родовитой олигархіи; дворянская Россія рѣшительно пошла по пути централизованной Монархіи, обезпечивъ

тѣмъ самымъ быстрый ростъ государственной мощи, что, конечно, сломило притязанія «феодальнаго» боярства, превратило его фактически въ обычное, рядовое дворянство, реальные интересы котораго въ періодъ самодержавной Монархіи достигли наибольшей степени развитія и удовлетворенія. Средніе слои культурнаго класса Россіи явились опорой русской монархической государственности въ теченіе почти всѣхъ трехъ вѣковъ послѣ Смуты. Это было для русской государственности — безконечно выгодноѣ, чѣмъ продолженіе боярскаго «феодализма». Это былъ безконечно болѣе демократическій путь развитія русской государственности, чѣмъ олигархія кучки князей и княжатъ съ ихъ удѣльно-родовыми, а не общегосударственными политическими традиціями и тенденціями. Самодержавная Монархія главной активной опорой которой являлся болѣе подготовленный политически слой дворянства, т. е. средній слой всего культурнаго класса, не была еще полностью демократической Монархіей, такъ какъ массы народа, главнымъ образомъ, крестьянскія не были — потому что и не могли быть — еще привлечены къ активной поддержкѣ Монархіи; а въ защитѣ экономическихъ интересовъ Монархія вынуждена была по временамъ больше вниманія удѣлять активному политическому слою — дворянству, чѣмъ крестьянству. Но и для крестьянства Монархія была выгодноѣ, чѣмъ олигархія, и оно поддерживало Монархію инстинктивно, политически пассивно, а иногда и активно, какъ это было въ періодъ Смуты и въ моментъ избранія Романовыхъ: *казачество*, этотъ представитель наиболѣе активной части крестьянства рѣшительно поддержало кандидатуру Романовыхъ. Поляки и шведы сейчасъ же послѣ избранія Михаила Федоровича, даже въ глаза самому Филарету, отцу Михаила Федоровича, говорили, что «посадили сына его на Московское государство одни казаки-донцы» или что въ пору царскаго избранія въ Москвѣ были «казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи». И дѣйствительно, къ моменту избранія Царя въ Москвѣ численность казачьихъ войскъ почти въ два

раза превосходила численность дворянъ и стрѣльцовъ вмѣстѣ взятыхъ, хотя абсолютная численность войскъ въ Москвѣ въ тотъ моментъ была вообще не велика, составляла, можетъ быть, всего какихъ-нибудь 10 тысячъ. Но казацкій элементъ преобладалъ; и онъ пошелъ заодно съ дворянствомъ, т. е. со среднимъ политическимъ слоемъ, а не съ родовитымъ боярствомъ, не съ олигархіей.

Монархія 1613 года была безусловно *національною* не только въ смыслѣ избранія ея возможнымъ въ то время представительствомъ всѣхъ классовъ населенія, притомъ — главнымъ образомъ — среднихъ и низшихъ, т. е. была и *демократическою*. Она была національною и въ прямомъ смыслѣ — русской, а не иностранной. Первымъ постановленіемъ Земскаго Собора 1613 г. — передъ избраніемъ Царя — было постановление «*не выбирать Царя изъ иностранцевъ*». А между тѣмъ «мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ, и была именно у боярства: такого царя хотѣли «начальницы» — говоритъ псковскій лѣтописецъ — «народы же ратные не восхотѣли ему быти». Желаніе боярства, надѣявшагося лучше устроиться при иноземцѣ, чѣмъ при русскомъ Царѣ изъ ихъ же боярской среды, встрѣтилось съ противоположнымъ и сильнѣйшимъ желаніемъ народа избрать Царя изъ своихъ... По мнѣнію народа, иноземцы повинны были въ смутѣ, губившей Московское Государство.

Національное чувство сильнѣе оказалось у среднихъ и низшихъ классовъ, чѣмъ у высшихъ — притомъ не только родовитыхъ, феодальныхъ, но даже и у буржуазныхъ, какъ это оказалось, наприм., въ свое время и у «господина великаго Новгорода», передъ его паденіемъ, когда знать новгородская, стремясь удержать за собою свою олигархическую власть и привилегій, и боясь въ этомъ отношеніи власти Московскаго Князя Ивана III, заключила въ 1471 г. съ Литовскимъ Великимъ Княземъ и Королемъ Польскимъ Казиміромъ Ягайловичемъ, союзный договоръ, по которому Король обязался защищать Новгородъ отъ Мос-

квы, дать новгородцамъ своего намѣстника и соблюдать всѣ вольности новгородскія и старину. Знать буржуазной новгородской республики, конечно, оказалась далеко не солидарной съ массами, съ низами, для которыхъ національное и государственное объединеніе съ укрѣпившимся Московскимъ государствомъ казалось болѣе естественнымъ и выгоднымъ, и республиканскій, — а по существу буржуазно-олигархическій, — Новгородъ легко палъ подъ напоромъ національно-монархической Москвы, такъ какъ массы и въ этой «республикѣ» не имѣли основаній жалѣть о «вольностяхъ», которыми фактически пользовались только буржуазные верхи. Укрѣпившееся Московское Самодержавіе и въ этомъ случаѣ было гораздо болѣе демократическимъ, чѣмъ новгородская республика. Только поэтому самодержавіе исторически оказалось жизненнѣе и сильнѣе, чѣмъ буржуазная или феодальная олигархія — хоть конституціонная, хоть республиканская.

Исходъ Смуты въ 1613 г., вылившейся въ ясную, законченную политическую форму бытія государства въ видѣ Монархіи, опиравшейся на тогдашніе *средніе* классы, явился положительнымъ и прочнымъ «завоеваніемъ» смуты именно потому, что это «завоеваніе» было истинно демократическимъ, т. е. и истинно государственнымъ, и истинно національнымъ. И если мы теперь, передъ концомъ Смуты 1917-1922 г. г., ищемъ аналогій со Смутой, кончившейся въ 1613 году именно въ надеждѣ на такой же благопріятный — для исторіи Россіи — исходъ и нынѣшней Смуты, то мы должны найти и въ нынѣшней смутѣ тѣ внутреннія силы, для которыхъ возстановленіе и укрѣпленіе національной русской государственности является безспорной жизненной необходимостью и выгодой; для которыхъ силы, вызвавшія и поддерживающія смуту, являются силами враждебными, отрицательными, откуда бы онѣ ни исходили, — изъ внутренней политической и социальной исторіи, или извнѣ — отъ сосѣдей, въ качествѣ ли силъ постоянныхъ или въ качествѣ силъ случайныхъ, временныхъ, связанныхъ съ только что ми-

нувшей міровой войной. Мы должны найти то прогрессивное, демократическое, національное и государственное начало, во имя котораго наши внутреннія силы снова объединятся, сплотятся и найдутъ исходъ изъ нынѣшней смуты, какъ нашли онѣ его въ 1613 году.

И вотъ тутъ ужъ наши аналогіи окажутся съ существенно инымъ, различнымъ конкретнымъ содержаніемъ. Различно, весьма различно содержаніе соціальной и государственной жизни Россіи въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія и теперь, черезъ 300 лѣтъ; различнымъ должно оказаться и содержаніе аналогій, внѣшне сходныхъ историческихъ моментовъ — Смутнаго времени и нынѣшней революціи. Различными должны оказаться и наши выводы для политической практики переживаемаго момента — въ смыслѣ опредѣленія тѣхъ соціальныхъ слоевъ, на которыхъ, какъ на активно-политической силѣ, должна будетъ опираться возрождающаяся изъ еще болѣе страшныхъ развалинъ нынѣшней смуты — наша національная государственность. Эта сторона аналогій — нѣсколько труднѣе и сложнѣе, чѣмъ сторона чисто внѣшняя. Она требуетъ соціально-политическаго анализа и того времени, когда назрѣвала и разлилась Смута, благополучно завершившаяся въ 1613 г., — и времени, когда завершается революція 1917 года.

II.

Политическая сущность Смутнаго времени заключалась въ завершеніи процесса формированія Самодержавной Монархіи, въ ея историческомъ утвержденіи и укрѣпленіи. Самодержавная Монархія, какъ новая форма государственности, болѣе соотвѣтствующая измѣнившимся условіямъ жизни и развитія Московскаго государства, т. е. какъ форма, политически прогрессивная для того времени, — должна была выдержать извѣстную борьбу, то эволюціонную, то — особенно къ періоду Ивана Грознаго — и революціонную обостренную, насильственную, съ остатками старой формы государ-

ственности, — удѣльно-родовой, поддерживавшейся, главнымъ образомъ, высшимъ слоемъ родовитаго боярства. Время Ивана Грознаго — время крупнѣйшей въ исторіи Россіи «революціи», заключительнымъ аккордомъ которой явилась Смута, завершившаяся побѣдой новой формы государственности — Самодержавной Монархіи, глубоко отвѣчавшей потребностямъ и интересамъ быстро росшаго русскаго народа и государства, а потому и удержавшейся въ теченіе трехъ столѣтій.

Московское Великое Княжество, хотя бы и называвшееся уже со временъ Ивана III Царствомъ, должно было стать Россійскимъ Государствомъ, а потомъ и Россійской Имперіей. Формальный титулъ Царя, закрѣпленный за Иваномъ Грознымъ въ 1561 г. грамотой Цареградскаго Патріарха, все же не дѣлалъ еще и Ивана Грознаго Царемъ Русскимъ, а лишь Царемъ Московскимъ, и не освобождалъ его еще — формально, юридически — отъ притязаній «младшихъ князей» — родовитыхъ бояръ, шедшихъ отъ той же династіи св. Владиміра, — на дѣлежъ съ ними государственной власти. Эти притязанія были не *государственнаго*, а *родового порядка*. Они не представляли собою попытокъ *конституціоннаго* ограниченія верховной власти, попытокъ сдѣлать Самодержавіе — конституціоннымъ, т. е. ограниченнымъ опредѣленнымъ, общегосударственнымъ *закономъ*. Нѣтъ; младшіе князья претендовали на дѣлежъ власти *только съ ними* и только для нихъ.. Они претендовали не потому, что видѣли въ этомъ раздѣленіе власти Царемъ съ ними общегосударственный смыслъ и интересъ, — а потому, что они считали себя равными съ Царемъ *по роду*, выводили свое *право* изъ своего *рода*, общаго съ Царемъ, и — конечно — ревниво устранили отъ такихъ же притязаній все, не принадлежавшее къ тому же роду, какъ бы ни велики были государственныя дарованія этихъ «новыхъ» не родовитыхъ людей. Они съ еще большимъ упорствомъ готовы были бороться съ этими новыми активными государственными элементами, выдвигавшимися жизнью, и только потому, что признаки родовито-

сти были для нихъ важнѣе признаковъ государственности. Такое «ограниченіе самодержавія», конечно, не являлось конституціоннымъ, не несло въ себѣ ничего положительнаго, творческаго, прогрессивнаго для дальнѣйшаго развитія государственности. Можетъ быть, въ отдѣльных случаяхъ, при случайномъ подборѣ талантливыхъ людей изъ этой родовой среды, въ которой, конечно, могли накапливаться извѣстныя государственныя традиции, опытъ, знанія, какъ въ словѣ вышемъ, наиболѣе культурномъ, — и такое ограниченіе верховной власти могло оказаться удачнымъ и полезнымъ. Это были бы, однако, только отдѣльные счастливые случаи, какъ могли быть и случаи прямо противоположныя, когда такое родовое ограниченіе являлось бы только мертвящимъ тормазомъ здоровой и талантливой инициативѣ Царя. Но какъ принципъ — такое родовое, т. е. сугубо олигархическое ограниченіе Царя, самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчило интересамъ нормальнаго развитія государства и нормальной дѣятельности высшей государственной власти, для которой выгоднѣе опираться на болѣе широкіе слои политически активнаго населенія, черпать свои силы изъ болѣе широкаго источника, дѣлать выборъ исполнительныхъ элементовъ изъ болѣе широкаго круга политически активныхъ дѣятелей государства. Ограниченіе нарождавшагося и укрѣплявшагося Московскаго Самодержавія, противъ котораго — ограниченія — такъ рѣшительно, круто, революціонно боролся Иванъ Грозный, ни въ какой мѣрѣ не было и не могло быть прогрессивнымъ политическимъ явленіемъ. Оно было явленіемъ безусловно *реакціоннымъ*, и Смута, какъ ни дорого она стоила государству, побѣдила эту политическую реакцію, поддержала и укрѣпила *прогрессивное* теченіе тогдашней государственности, давшее Россіи независимую отъ олигархическихъ притязаній — Самодержавную Монархію, болѣе *національную* и болѣе *демократическую*, чѣмъ та форма ограниченнаго самодержавія, за которую пыталось бороться высшее боярство, спаянное общностью рода.

Родовое начало въ наслѣдованіи власти, — переходъ великаго княженія къ старшему въ родѣ, — постепенно безъ особенной борьбы вытѣснялось семейнымъ, вотчиннымъ началомъ, — переходъ великаго княженія къ старшему сыну въ семьѣ Великаго Князя, и уже съ Василия Темнаго (1425-1462) это начало, подготавливавшее путь къ единовластью, къ самодержавію верховной власти, можно считать закрѣпленнымъ самой жизнью. Сынъ Василия Темнаго, Иванъ III (1462-1505) фактически былъ уже самодержавнымъ Московскимъ Государемъ, Царемъ. Реальная сила Московскаго Княжества оказалась фактически безконечно выше реальной силы другихъ удѣльныхъ князей, и Государь могъ уже и формально свести другихъ удѣльныхъ князей на положеніе «подданныхъ», а не правящихъ князей, хотя въ своихъ удѣлахъ они еще и играли роль почти полновластныхъ правителей. Сила Московскаго Государя оказалась выше и силы «республикъ» того времени, Новгорода и Пскова, и Новгородъ былъ лишенъ своихъ республиканскихъ вольностей и присоединенъ къ Москвѣ на общихъ основаніяхъ: «быть и въ Новгородѣ московскому обычаю, какъ государи великіе князья держать свое государство у себя въ Московской землѣ».

Реальная сила Московскаго Государя влекла къ нему «на службу» князей со всей Руси, не исключая и той, которая въ то время оказалась подъ властью Литвы. И Литовскіе князья — русскіе, православные, единокровные по династіи съ Московскимъ великимъ княземъ (князья Вяземскіе, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д.), — тянулись къ быстро укрѣплявшемуся общерусскому, общегосударственному центру-Москвѣ. *Объединеніе Руси*, при томъ на *общегосударственныхъ*, а не династическихъ — родовыхъ, началахъ совершалось параллельно съ реальнымъ ростомъ центральной власти, естественно ведущимъ къ *единовластію*, къ *самодержавію*. Національно-государственное объединеніе явилось реальнымъ источникомъ укрѣпленія соотвѣтственной формы верховной власти

— Самодержавіа, которое въ свою очередь явилось функціей, слѣдствіемъ и дальнѣйшимъ факторомъ національно-государственного объединенія.

Политическая оцѣнка этого процесса объединенія и логически вытекавшей изъ него формы верховной власти — Самодержавія, не можетъ вызывать сомнѣній. Говорить о возможности достиженія тѣхъ же конкретныхъ цѣлей, какія достигались этимъ объединеніемъ, другими путями, представляющимися съ современной точки зрѣнія, болѣе идеальными, болѣе свободными и т. п., — т. е. путемъ федераціи княжествъ, республикъ и другихъ политическихъ образованій того времени, — значило бы фантазировать: когда территория страны еще въ періодѣ первичной колонизаціи; когда даже этой колонизаціи мѣшали сосѣди кочевники-монголы; когда народное хозяйство было примитивно-натуральнымъ, и города, какъ центры и показатели болѣе сложнаго уровня этого хозяйства, еле-еле зарождались; когда общій уровень культуры не только массъ, но и верховъ отвѣчалъ лишь такому примитивному уровню хозяйства, — говорить о федераціяхъ, о республикахъ, о народоправствѣ — въ смыслѣ конституціонности, — можно только фантазируя или подгоняя исторію подъ современные политическіе шаблоны. Путь къ политическому прогрессу, къ защитѣ реальныхъ интересовъ *народа*, т. е. къ обезпеченію условій нормальнаго развитія производительнаго труда, а тѣмъ самымъ и путь къ развитію государства — былъ тогда только одинъ: объединеніе, централизація, единовластіе, самодержавіе.

И путь этотъ закрѣплялся исторически, т. е. самой жизнію, реальными интересами и реальными условіями развитія народа и государства, а не случайными внѣшними воздѣйствіями. Иванъ III проявлялъ уже черты и стремленія самодержавнаго князя потому, что реальная сила Московскаго Княжества и его самого, какъ правителя этого княжества, уже соотвѣтствовала этимъ чертамъ и стремленіямъ, а совсѣмъ не потому,

13.390.

Львів. Библиотека
АН УРСРЛьвівська державна
наукова бібліотека

М

7150

что онъ — въ 1472 г. — женился на Софѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго Византійскаго Императора, — Константина Палеолога, дочери Фомы Палеолога, бѣжавшаго послѣ взятія Константинополя турками (въ 1453 г.) въ Римъ, къ Папѣ.

И тѣ *международныя* отношенія, какія завязываются уже Московскимъ Государствомъ при Иванѣ III, объясняются, конечно, не легкой рукой Римскаго Папы, пытавшагося бракомъ Софіи Палеологъ съ Иваномъ III расчислить путь католичеству въ Москву, а все той же реальной силой Москвы, уже замѣченной Западомъ. Пусть они начались съ Италіи — съ Папы, даже со специфической цѣли — во славу католичества, цѣли абсолютно не достигнутой, — но они тутъ же приняли общеполитическій, экономическій и культурный характеръ, свойственный международнымъ отношеніямъ всегда и всюду. Москва стала наполняться не только греками и итальянцами, но и нѣмцами; она вступаетъ въ дипломатическія отношенія и съ Даніей, Венгріей, Венеціей, Турціей; а вскорѣ — при Иванѣ Грозномъ — она уже имѣетъ посольства отъ всѣхъ заинтересованныхъ въ сношеніяхъ съ Москвой западныхъ государствъ, въ томъ числѣ и отъ Англіи.

Пусть введеніе «царскаго чина» при дворѣ Ивана III, принявшаго отъ Византіи и государственный гербъ — Двуглаваго орла, было вліяніемъ византійской царицы, ставшей женой Московскаго Государя Великаго Князя. Но сущность самодержавія, конечно, не въ «царскомъ чинѣ», не въ придворномъ церемоніалѣ. Сущность его была въ централизаціи власти, въ ея усиленіи, въ единовластіи, въ сведеніи другихъ властей, бывшихъ болѣе замѣтными до усиленія Москвы, къ подчиненной роли, къ подданству единому Государю — великому Князю «всѣя Руси». И то *недовольство* боярства — «младшихъ князей», — которое очень опредѣленно появляется уже и при Иванѣ III, знаменуя собою начало революціи, прорвавшейся въ позднѣйшей Смутѣ, объясняется, конечно, не формой отношеній Ивана III къ боярству — большей отдаленностью, согласно «царскому чину», — при-

несенной византийской царевной, — а *сущностью*: Иванъ III и былъ уже неизмѣримо сильнѣе «младшихъ князей», и чувствовалъ себя таковымъ, и — можетъ быть — хотѣлъ, чтобы эта реальность закрѣпилась соотвѣтственной формой, чтобы реальность крѣпче стала и чтобы утвержденіе единовластія и самодержавія пошло легче, благодаря и формальнымъ его выявленіямъ. Боярство сваливало «перемѣну» въ Царѣ на Софью, какъ на иностранку, какъ на «чужую». Но при этомъ явственно сквозило и чувство ревности за «родъ», за интересы своего узкаго слоя: женитьба Государя на «чужой» приближало къ нему, къ власти, къ источнику силы — не ихъ, родовитыхъ родичей по династии, а кого-то другого, все равно — своихъ или чужихъ: женитьба Ивана Грознаго на «своихъ», но не «родовитыхъ» точно также вызывала недовольство бояръ. Недовольство бояръ — «младшихъ князей» — было глубже простой формы. Сущность его — чисто политическая — прекрасно выражалась формулой: «Государь ихъ не слушаетъ; князь Московскій не любитъ, *какъ бывало прежде*, совѣщаться съ боярами и рѣшаетъ дѣла самъ-третій у постели, т. е. въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ неродовитыхъ людей». За все это бояре винили Софью. Типичный представитель тогдашняго боярства Берсень-Беклемишевъ даже жестоко поплатился за эти «смутьянскія» рѣчи противъ Софіи: ему отрѣзали языкъ за его тайныя рѣчи съ Максимомъ-Грекомъ, въ которыхъ онъ говорилъ, что «все перемѣнилось на Руси, какъ пришла Софія; что она переставила всѣ порядки, и потому *государству стоять недолго*».

Это уже были рѣчи — революціоннаго характера. Это уже было несомнѣнное начало грядущей Смуты. И сущность этой революціонности бояръ сводилась къ недовольству тѣмъ, что Государь ихъ «не слушаетъ», а слушаетъ «неродовитыхъ людей». Революціонное недовольство исходило отъ «родовитыхъ» бояръ, пытавшихся бороться за власть — если не съ *Государемъ*, то — *при Государѣ* Великомъ Князѣ. Государь шелъ

политически дальше боярства; онъ былъ *демократичнѣе* боярства въ выборѣ правящихъ элементовъ государства. Это было не своевластіе государя, а желаніе выбирать правящіе элементы изъ среды, болѣе зависимой отъ него и потому болѣе послушной, чѣмъ боярство, — а инстинктъ, если не сознаніе, что необходимо *расширять* эту среду, въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ, усложненіемъ самого государства, замѣнять «родовитую» среду — средой общегосударственной. Это было инстинктивное признаніе принципа политическаго равенства всѣхъ подданныхъ передъ государствомъ, а потому — и передъ верховной властью; равенства не соціальнаго, а именно — политическаго. Инстинктъ этотъ подсказывалъ, что это необходимо для завершенія процесса національнаго объединенія Руси, для созданія единаго Русскаго Государства. Боярству же ближе были интересы рода, права родовитости. Позиція боярства была не только консервативна, но и реакціонна; позиція московскихъ государей — прогрессивна и болѣе демократична. И такъ какъ реальная сила была за государями, и они это сознавали, отношеніе ихъ къ притязаніямъ боярства стало рѣшительно определеннымъ, отрицательнымъ. Опала, репрессіи по отношенію къ боевому боярству начались при Иванѣ III; усилились при его сынѣ Василии III, о которомъ германскій посолъ въ Москвѣ, Герберштейнъ писалъ, что онъ «имѣетъ власть, какой не обладалъ ни одинъ Монархъ»; и, наконецъ, при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ эти опалы и репрессіи приняли систематическій революціонный характеръ: Самодержавіе рѣшило крутыми мѣрами и крутымъ внутреннимъ переворотомъ разъ на всегда отдѣлаться отъ притязаній боярства на дѣлежъ верховной власти въ государствѣ. Въ революціонномъ террорѣ при Иванѣ Грозномъ физически была истреблена значительная часть родовитаго боярства, сплошь и рядомъ не только тѣ, кто пытался бороться за ограниченіе самодержавія, а и родня ихъ — безъ всякой непосредственной вины. Это былъ подлинный, кровавый терроръ «революціи сверху». Но это не

была только террористическая вспышка, объясняемая личнымъ раздраженіемъ самодержца и просто чловѣка, чувства котораго грубо задѣвались еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда Иванъ Васильевичъ остался на попеченіи высшаго боярства — Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ и т. п. Это была революціонная, государственная планомѣрная борьба съ тѣмъ соціально-политическимъ слоемъ, который сознательно стремился ограничить единовластіе, самодержавіе верховной власти.

«Въ полемикѣ Грознаго съ Курбскимъ, — говоритъ проф. Платоновъ *) — вскрывался истинный характеръ «избранной рады», которая, очевидно, служила орудіемъ не бюрократически-боярской, а удѣльно-княжеской политики и желала ограниченія царской власти не въ пользу учрежденія Думы, а въ пользу извѣстной общественной среды — княжатъ. Такой характеръ оппозиціи привелъ Грознаго къ рѣшимости уничтожить радикальными мѣрами значеніе княжатъ, пожалуй даже совсѣмъ ихъ погубить. Совокупность этихъ мѣръ, направленныхъ на аристократію, называется *опричниною*. Суть опричнины состояла въ томъ, что Грозный примѣнилъ къ территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ, гдѣ находились вотчины служилыхъ князей-бояръ, тотъ порядокъ, какой обыкновенно примѣнялся Москвою въ завоеванныхъ земляхъ: и отецъ, и дѣдъ Грознаго — при покореніи Новгорода, Пскова и др. — выводили оттуда наиболѣе видныхъ и для Москвы опасныхъ людей въ свои внутреннія области, а въ завоеванный край посылали поселенцевъ изъ коренныхъ московскихъ мѣсть... Грозный рѣшилъ вывести изъ удѣльныхъ наслѣдственныхъ вотчинъ ихъ владѣльцевъ княжатъ и поселить ихъ въ отдаленныхъ отъ ихъ прежней осѣдлости мѣстахъ, тамъ, гдѣ не было удѣльныхъ воспоминаній и удобныхъ для оппозиціи условій; на мѣсто же выселенной знати онъ селилъ *служебную мелкоту* на мелкопомѣстныхъ участкахъ, образованныхъ изъ старыхъ большихъ вотчинъ... Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ царствованія Грознаго опричнина охватила пол-

*) Лекціи по Русской Исторіи, стр. 180-181.

государства и разорила всѣ удѣльные гнѣзда, разорвавъ связь «княженецкихъ родовъ» съ удѣльными территориями и *сокрушивъ княжеское землевладѣніе*».

Грозный «перебиралъ людишекъ» по всему государству. Тысячи «служебной мелкоты», готовой итти въ опричнину — поддерживать самодержавную политику Грознаго, — образовали слой мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, слой средняго и мелкаго дворянства, этой ближайшей новой соціальной опоры самодержавія. Крупное *феодалное* землевладѣніе — революціей сверху — было разрушено; вмѣсто него создавалось среднее и мелкое *дворянское* землевладѣніе. Уцѣлѣли, и то едва-ли въ прежнихъ размѣрахъ землевладѣнія, только тѣ «княжата», которые пошли за новымъ политическимъ курсомъ, наприм., нѣкоторые Скопины, Шуйскіе, Трубецкіе, Пронскіе, Мстиславскіе и т. д. Конечно, эти уцѣлѣвшіе княжата уже потеряли свой прежній политическій вѣсъ; они тонули уже въ огромной массѣ «служебной мелкоты», образовавшей, а можетъ быть — только усилившей, средній боярско-дворянскій классъ, ставшій теперь болѣе широкой и болѣе демократической соціальной опорой самодержавной власти. «Политическое значеніе класса (княжатъ) было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти сбылось то, чего при немъ такъ боялись бояре-княжата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ отъ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною».

Опричники Ивана Грознаго — это не янычары-тѣлохранители, это не охранное отдѣленіе, это не большевистская «че-ка», губившая боярскую «измѣну», а нѣчто гораздо болѣе сложное и планомѣрно-государственное. Конечно, были въ опричнинѣ и элементы охраны и че-ка, какъ во всей «революціи» Ивана Грознаго былъ не только демократизмъ, но и явный демагогизмъ; безъ него — безъ демагогизма — не обходится, очевидно, никакая революція. Но сущность этой революціи все же заключалась въ «сокрушеніи княжескаго

землевладѣнія», въ разрушеніи реальной основы боярскаго феодализма, реальной силы въ его политическихъ притязаніяхъ. Это была крупнѣйшая **соціальная** революція того времени, существенно измѣнившая характеръ соціальныхъ слоевъ, игравшихъ или могшихъ играть политическую роль въ дальнѣйшемъ развитіи государства.

Въ то же время революція эта была соціальной и потому, что имѣла и явно экономическій характеръ, экономическое значеніе: она, можно сказать, рѣшила «земельный вопросъ» того времени. Земля въ то время, — время почти исключительно натурального, а не денежнаго хозяйства — была и для государства главнѣйшимъ источникомъ оплаты труда служилаго сословія, т. е. главнымъ образомъ военнаго сословія. Потребность государства въ увеличеніи этого сословія, — съ территоріальнымъ ростомъ государства, съ расширеніемъ его границъ, съ нарастающимъ обостреніемъ отношеній съ сосѣдями — войны становились все чаще и упорнѣе, въ частности хотя бы потребности Ливонской войны при Грозномъ, — все возрастала. Служилый классъ становился многочисленнѣе и матеріально требовательнѣе. Надо было найти источники обезпеченія военнаго класса. Источники эти были почти исключительно въ землѣ, при томъ въ землѣ, конечно населенной, располагающей и рабочей силой, налаженнымъ производительнымъ трудомъ, часть натуральныхъ доходовъ отъ котораго могла бы замѣнить денежную оплату, жалованье военнаго класса. Раздача пустыхъ земель, которыхъ было сколько угодно, конечно, не удовлетворила бы требованій служилаго военнаго класса. Этотъ классъ, несомнѣнно, и самъ поглядывалъ на обширныя и все же населенныя вотчины княжатъ. «Земельный вопросъ» для мелкопомѣстнаго служилаго военнаго класса естественно сводился къ требованію расширенія его землевладѣнія за счетъ латифундій феодаловъ-княжатъ. Тѣмъ болѣе, что — пользуясь своимъ политическимъ положеніемъ и своимъ экономическимъ превосходствомъ, — крупные землевладѣльцы-княжата, стремясь къ собственному хозяйственному

росту, всячески привлекали рабочую силу — крестьянъ — съ болѣе мелкихъ владѣній служилаго класса. Эта примитивная хозяйственная борьба того времени еще болѣе усиливала то направленіе въ разрѣшеніи «земельнаго вопроса», которое — въ концѣ концовъ — вылилось въ революціонной реформѣ Ивана Грознаго, имѣвшей и ярко-опредѣленную политическую цѣль, и въ то же время практическое, цѣлесообразное социально-экономическое значеніе. Реформа эта убивала феодальную оппозицію, шедшую въ разрѣзъ съ національными политическими задачами государства; въ то же время она удовлетворяла и привлекала на сторону государственной власти гораздо болѣе широкіе активные политическіе слои — служилаго, при томъ, главнымъ образомъ, военного сословія, получая въ немъ гораздо болѣе реальную политическую опору, чѣмъ въ боярствѣ, ту опору, которая — все равно и сама — рано или поздно завоевала бы себѣ подобающее ей, соответствующее ея реальной силѣ, политическое мѣсто; наконецъ, реформа эта разрѣшала весьма трудный для государства финансовый вопросъ. «Революція сверху» Ивана Грознаго по глубинѣ своего содержанія — социально экономического и политическаго — аналогична «революціи сверху» Александра II, дававшей экономическій, социальный и политическій выходъ русскому крестьянству и тѣмъ усилившаго и укрѣпившаго политическія симпатіи крестьянства къ Монархіи. Къ счастью для Монархіи «революція сверху» Александра II не стоила ни одному слою русскаго народа столько крови и разрушенія, сколько стоила «революція» Ивана Грознаго. Но и при Иванѣ Грозномъ, какъ и при Александрѣ II, эти крупнѣйшія государственныя реформы — «революціи сверху» — по существу лишь завершали *эволюцію*, завершали органический процессъ, назрѣвавшій постепенно, подготовлявшійся жизнью, и лишь облегченный и ускоренный рѣшительнымъ вмѣшательствомъ Верховной Власти. И если бы не та кровь, не тотъ революціонный терроръ, которыми — по стеченію случайныхъ условій — окрашена глубокая реформа Ивана

Грозного, она бы осталась въ русской исторіи такой же свѣтлой страницей, какъ и главнѣйшая реформа Александра II. Но забрызганная кровью и запятнанная революціоннымъ терроромъ борьба Ивана Грозного съ княжескимъ феодализмомъ, въ поддержку среднихъ служилыхъ слоевъ, завершилась — къ бѣдѣ государства — Смутой.

III.

Источники Смуты — въ той сложной политической и соціальной борьбѣ, которая началась еще при Иванѣ III и Василии III, а при Иванѣ Грозномъ достигла лишь кульминаціоннаго пункта, завершившись революціонной реформой Грозного — опричниной. Формальное же *начало* Смуты связывается съ прекращеніемъ Царскаго рода послѣ смерти Грозного и трехъ его сыновей — Ивана, Федора и Дмитрія. Старшій сынъ Иванъ, уже женатый, во время ссоры съ отцомъ, получилъ отъ него такой сильный ударъ жезломъ, что вскорѣ умеръ — въ 1582 г. Послѣ смерти Грозного остался Федоръ, женившійся на сестрѣ Годунова — Иринѣ, и ребенокъ Дмитрій — отъ седьмого брака Грозного — съ Маріей Нагой.

«Прекращеніе Царскаго рода», предсказанное — еще до убійства Дмитрія въ Угличѣ — англійскимъ посломъ Флетчеромъ, тоже было не случайностью, а носить явно «смутный», т. е. революціонный характеръ. Вскорѣ послѣ смерти Грозного произошли при Дворѣ какіе-то, точнѣе не извѣстные, безпорядки, кончившіеся ссылкой боярина Бѣльскаго и Маріи Нагой съ царевичемъ Дмитріемъ въ Угличъ, гдѣ онъ и былъ таинственно убитъ 15 мая 1591 года. Это убійство слухи упорно приписывали приверженцамъ Бориса Годунова. Вскорѣ — тоже едва-ли естественной смертью — умеръ и царь Федоръ, оставивъ «на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ» жену свою, сестру Бориса Годунова, Ирину Федоровну. Ее «просили» править съ помощью брата — Бориса Годунова. Она отказалась; вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ уѣхала въ Новодѣвичій монастырь,

постриглась тамъ подъ именемъ Александры. Править стали Патріархъ и бояре именемъ Царицы. Среди родовитыхъ бояръ, Рюриковичей, выдѣлялись Шуйскіе, линия которыхъ была старше даже линии московскихъ князей; далѣе — Гедиминовичи, Мстиславскіе, Голицины. Всѣ они уцѣлѣли и при опричинѣ. Но это были уже остатки раньше все же сильнаго слоя «княжатъ». Они, очевидно, не имѣли уже подъ собой той соціальной опоры, которая могла бы поддержать ихъ у власти даже при такомъ благопріятномъ внѣшнемъ условіи, какъ «прекращеніе Царскаго рода». Больше реальной силы оказалось на сторонѣ новаго слоя боярства — уже не столь родовитаго, какъ Рюриковичи и Гедиминовичи, — лишь «старыхъ слугъ князей московскихъ», но зато ближе отражавшихъ тотъ многочисленный слой средняго и мелкаго боярства и дворянства, который усилился при Иванѣ Грозномъ. Изъ этого новаго слоя особенно выдавались — по своему непосредственному вліянію уже при Дворѣ — Романовы и Годуновы. Предокъ Романовыхъ, по преданію, выѣхалъ въ XIV вѣкѣ «изъ Пруссіи». Его потомки были извѣстны подъ именемъ Кошкиныхъ, Захарьиныхъ и — въ XVI в. — Романовыхъ, отъ имени Романа Юрьевича Захарьина. Дочь Романа Юрьевича въ 1547 г. вышла замужъ за Ивана Грознаго, и Романовы оказались въ родствѣ съ Царемъ.

Родъ Годуновыхъ — татарскій, появившійся съ XIV в. на службѣ у московскихъ князей. Борисъ Годуновъ участвовалъ въ опричинѣ Грознаго; а сестра его — Ирина — вышла замужъ за царевича Феодора. Въ виду молодости и слабости Феодора фактическимъ правителемъ государства — при жизни Феодора — сталъ Борисъ Годуновъ. Боярство — и старое, и новое — конечно, пыталось бороться съ Годуновымъ, но безуспѣшно. Сила Годунова, помимо его личныхъ качествъ, основывалась также на его богатствѣ, — по словамъ Флетчера — колоссальномъ — Борисъ, будто-бы, со своихъ земель самъ могъ содержать цѣлую армію; и, можетъ быть, на хорошихъ отношеніяхъ къ иностран-

цамъ, которыхъ онъ «ласкалъ», которые съ своей стороны — еще до смерти Феодора — считали его естественнымъ кандидатомъ въ Цари, если у Феодора не останется потомства. А внутреннимъ социальнымъ слоемъ, на который опирался Борисъ и при своемъ избраніи на Царство, и въ своемъ царствованіи, былъ — средній служилый слой, что и обусловливало «демократическій» характеръ этого царствованія. Годунову бороться приходилось уже не только со старымъ, родовитымъ боярствомъ, но и съ соперниками изъ новаго слоя, прежде всего, конечно, съ Романовыми. Смута закончилась только тогда, когда и эта личная, внутри новаго слоя боярства, борьба возможныхъ претендентовъ на новую династію завершилась по національному чутью и по волѣ народа.

Когда «прекратился царскій родъ», и послѣдній Царь изъ старой династіи Феодоръ умеръ бездѣтнымъ, все согласно предсказаніямъ иностранцевъ,*) Борисъ продѣлавши церемоніаль отказъ отъ управленія и выжиданія сорока дней, пока «успокоится душа Феодора», рѣшилъ обставить свое вступленіе на царство «демократически» — Соборомъ, не довольствуясь предложеніемъ «Патріарха и народа». Онъ потребовалъ, чтобы «весь народъ рѣшилъ, кого надо избрать Царемъ». Такое избраніе, конечно, было бы крѣпче. А кромѣ того, по указанію Татищева, — «бояре хотѣли ограничить власть новаго Царя въ свою пользу». Борисъ же надѣялся, что на соборѣ «простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудить». И дѣйствительно, соборъ въ февралѣ 1598 г. оказался въ достаточной степени изъ «простого народа»: въ составъ собора входило — бояръ до 15; придворныхъ чиновъ

*) Едва ли благодарна позиція проф. Платонова, старающагося доказать, что Борисъ Годуновъ совершенно непричастенъ и къ убійству царевича Дмитрія, и вообще къ насиліямъ, ускорившимъ „прекращеніе царскаго рода“ и давшимъ престолъ Борису. Подчеркиваніе „симпатичнаго“ характера Бориса, какъ правителя и какъ человѣка, его гуманности, нравственности и т. п. - въ лучшемъ случаѣ такъ же бездоказательно, какъ и обратныя утвержденія, что Борисъ былъ „злѣдѣй“ и т. п. Но Борисъ былъ - типичный „реальный“ политикъ, а „реальные политики“ въ борьбѣ за власть обычно идутъ до конца.

до 200, духовныхъ — до 100, горожанъ и московскихъ дворянъ — до 150, тяглыхъ людей, но не крестьянъ — до 50 человекъ. Преобладали въ соборѣ служилые люди, т. е. средній, по тому времени «демократическій» слой населенія; представители при томъ, главнымъ образомъ, Москвы, а не «всѣя Руси». Но, несомнѣнно, что этотъ соборъ представлялъ въ подавляющемъ большинствѣ, именно тѣ средніе слои, на которые только и могъ опираться Годуновъ, какъ и всякій другой кандидатъ не изъ родовитаго боярства.

По предложенію Патріарха Соборъ избралъ Царемъ Бориса. Соперниками Бориса на Соборѣ были, хотя и не очень открыто, изъ родовитыхъ — Шуйскіе, изъ среднихъ — Романовы. Родовитые, конечно, были, гораздо менѣе опасны, чѣмъ средніе, и Романовы — вскорѣ по воцареніи Бориса подверглись гоненіямъ. Въ 1601 году, когда появился слухъ о томъ, что царевичъ Дмитрій живъ, и Борисъ увидѣлъ въ этомъ интригу, исходящую отъ Романовыхъ и направленную къ сверженію его съ царства, всѣ Романовы — пять братьевъ Никитичей — Федоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій — были сосланы, и только два изъ нихъ — Федоръ и Иванъ — пережили ссылку.

Какъ ни разумна была политика Годунова, умѣвшаго «успокоить» государство; поднять народный трудъ; проявить заботу о низахъ — даже вплоть до крестьянъ, удовлетворить одно изъ крупнѣйшихъ національных желаній — создать Патріаршество въ Москвѣ — въ 1588 г. (московскій митрополитъ Іовъ былъ поставленъ византійскимъ патріархомъ Іереміей, прибывшимъ въ Москву «за пособіемъ» — московскій митрополитъ былъ богаче восточныхъ патріарховъ — въ Патріархи Московскіе и Владимірскіе); усилить общеніе Москвы съ Западомъ, и т. п., — но Смута въ государствѣ еще не успокаивалась. Боярство, — уже не только родовитое, но и среднее, а за нимъ, надо думать, и низы народные, сколько-нибудь политически активные, — не были удовлетворены такимъ рѣшеніемъ династическаго вопроса. Борьба продолжалась. Боярство выдвинуло Лже-

дмитрія, ставленника не только боярства, но и Польши, для которой «смута» въ Царствѣ была политически выгодна. Римская курія въ свою очередь оцѣнила Лжедмитрія, какъ средство къ попыткѣ открыть католическую пропаганду въ Москвѣ. *Внѣшняя* поддержка Смутѣ, такимъ образомъ, началась безъ всякаго труда. Въ 1605 г. начался походъ Самозванца — съ самымъ разношерстнымъ войскомъ — на Москву. «Боярство, въ извѣстной своей части, было радо успѣхамъ Самозванца, въ успѣхахъ Лжедмитрія предвидя гибель ненавистныхъ Годуновыхъ. Слабый силами Лжедмитрій быстро усиливается отъ бездѣйствія царскихъ воеводъ... Царь Борисъ (неожиданно) умираетъ съ горькимъ сознаниемъ, что онъ и его семья лишены всякой почвы подъ ногами и побѣждены призракомъ законнаго Царя».

Однако, на нѣсколько недѣль — Царемъ послѣ Бориса все же былъ сынъ его Федоръ, но уже безъ всякаго авторитета, какимъ пользовался Борисъ. Боярство стало рѣшительнѣе: новый воевода, Басмановъ, со всѣмъ войскомъ передался на сторону Лжедмитрія. Въ іюнѣ 1605 г. Самозванецъ былъ уже подъ Москвой. Делегаты его — Плещеевъ и Пушкинъ — явились въ Москву съ грамотой Самозванца къ москвичамъ. Василий Шуйскій, раньше по порученію Бориса производившій слѣдствіе по поводу смерти царевича Дмитрія и признавшій самоубійство, теперь отрекся отъ своихъ показаній и объявилъ народу, что Борисъ послалъ убить Царевича, но Царевичъ спасся, а былъ убитъ поповскій сынъ. Народъ бросился въ Кремль, Федора Годунова съ матерью перевели изъ Кремля въ ихъ боярскій домъ и началъ *грабить иноземцевъ* — «Борисовыхъ пріятелей». Затѣмъ отъ Самозванца пріѣхали князья Голицынъ и Масальскій, убили Федора и его мать, родню ихъ сослали. Лжедмитрій вѣхалъ въ Москву и торжественно признанъ Царемъ. Возвращены были изъ ссылки Нагіе и Романовы. Старшій Романовъ (Федоръ) — монахъ Филаретъ былъ поставленъ Митрополитомъ Ростовскимъ; Патріархомъ — вмѣсто сослан-

наго Іова — грекъ Ігнатій, одинъ изъ первыхъ признавшій Самозванца. За инокиней Марфой, признаніе которой Самозванца сыномъ должно было окончательно утвердить его на престолѣ, ѣздилъ князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Но тутъ же Василій Шуйскій и противъ Лжедмитрія началъ интригу, пустивъ слухъ о его самозванствѣ. Лжедмитрій сослалъ Шуйскихъ, вскорѣ простилъ. Они вернулись; начали борьбу осторожнѣе, и уже въ маѣ 1606 г. Лжедмитрій былъ убитъ, а Василій Шуйскій былъ «избранъ» Царемъ.

Таковъ внѣшній ходъ Смуты въ этотъ ея періодъ. Внутренній же ея смыслъ тотъ, что избраніе Бориса Годунова, связанное съ пролитіемъ крови, къ которому — такъ или иначе — приплеталось и имя Бориса, а еще важнѣе, можетъ быть, недовольство московскихъ низовъ «пріятелями Борисовыми» — иноземцами, — не внесло національнаго удовлетворенія въ умы народа, — и вопросъ о новой Царской династіи оставался — въ глазахъ народа не рѣшеннымъ. Смута — въ поискахъ народа за Верховной Властью — не кончилась. Борьба кровавая, смутная — продолжалась. «Призракъ законнаго Царя» тоже успокоилъ народъ не надолго. Самозванецъ не былъ и не умѣлъ держать себя русскимъ Царемъ: «не держалъ себя по православному обычаю, не посѣщалъ храмовъ, одѣвалъ себя и свою стражу по польски, водился съ поляками и любилъ ихъ, — отъ него и пахло ненавистнымъ Москвѣ латинствомъ и Польшей». Конечно, такой — открыто антинациональный Царь не могъ удержаться. Смута только усилилась, приняла еще болѣе кровавый характеръ. Вмѣстѣ съ Самозванцемъ было убито двѣ-три тысячи поляковъ и русскихъ. Патріархъ Ігнатій былъ свергнутъ. По выраженію Костомарова — «Дмитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ, какъ призракъ, оставивъ за собой страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московское государство».

Боярство снова осталось у власти и снова попыталось «ограничить самодержавіе» будущаго Царя. Возставшіе на Самозванца сдѣлали «уговоръ», что будущій

Царь долженъ будетъ управлять государствомъ «по общему совѣту». Но на этотъ разъ инициативу борьбы взяло на себя родовитое боярство, съ Шуйскимъ во главѣ, т. е. старое боярство, которое по внутреннему смыслу совершавшейся социально-политической борьбы — не могло прочно остаться у власти, не могло — на общенациональныхъ началахъ — вывести государство изъ Смуты. Политическое чутье стараго боярства оказалось гораздо слабѣе чѣмъ у представителя новаго, средняго боярства — Бориса Годунова. Старое боярство снова выступило съ принципомъ непремѣннаго ограниченія Верховной Власти, и ограниченія не на государственныхъ-конституціонныхъ началахъ, а лишь на началахъ родовыхъ, имѣвшихъ въ виду лишь выгоды своего узкаго родовитаго слоя. Принявъ «уговоръ» отъ бояръ, Василій Шуйскій — за одно съ боярствомъ — не рискнулъ, по примѣру Годунова, на избраніе Соборомъ. Этотъ — народный, національный путь въ тѣхъ условіяхъ — не былъ угоденъ боярству. Когда народъ собрался на Красной площади, и изъ среднихъ слоевъ — духовенства и неродовитаго боярства — было сдѣлано предложеніе избрать сначала Патріарха и ему уже поручить созывъ Собора для избранія Царя, изъ толпы «доброхоты» Шуйскаго заявили, что сейчасъ нужнѣе Царь, чѣмъ Патріархъ, и «выкрикнули» Шуйскаго. Такъ Шуйскій сталъ Царемъ. Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что не только въ другихъ городахъ, но «и на Москвѣ не вѣдали многіе люди», какъ выбирали Шуйскаго. Устами лѣтописца говорить, конечно, та среда, къ которой принадлежалъ и самъ лѣтописецъ, т. е. среда неродовитаго служилаго слоя. Этотъ слой, а за нимъ и массы, не могъ помириться съ Царемъ изъ того родовитаго слоя, который стоялъ не на національно-государственныхъ, а лишь на болѣе узкихъ-родовыхъ началахъ. Избраніе новой, прочной династіи могло произойти только на національныхъ началахъ, съ участіемъ и по волѣ всего «народа», т. е. тогда, главнымъ образомъ, по волѣ среднихъ — служилыхъ, дворянскихъ слоевъ, и воля эта должна была вылиться въ формѣ Собора.

На избраніи Бориса Годунова была кровь и насиліе, при томъ кровь и насиліе, касавшіеся законной Верховной Власти; а на избраніи Шуйскаго былъ явный «умыселъ бояръ» и кромѣ того явно сомнительная роль самого Шуйскаго въ дѣлѣ царевича Дмитрія: сколько грамотъ ни разсылалъ Шуйскій русскіе люди видѣли, что роль его была измѣнчива, что самъ же онъ сначала заставлялъ Москву увѣровать въ подлинность Самозванца, что и Марфа тогда же малодушно признала Самозванца. Не помогла и канонизація царевича Дмитрія, по велѣнію Шуйскаго, сейчасъ же по его вступленіи на престолъ, и переносъ мощей Дмитрія изъ Углича въ Москву, въ Архангельскій соборъ. Да и характеръ правленія Шуйскаго сразу обнаружилъ его боярскую, а не общегосударственную сущность: гоненія на неугодныхъ самому Шуйскому и близкому къ нему боярству, и неумѣніе или нежеланіе ближе подойти къ массамъ и къ низамъ, которые уже при Самозванцѣ, въ лицѣ казачества начали играть нѣкоторую активную роль.

Все это было одно къ одному и говорило о неизбежности завершенія Смуты, лишь черезъ Шуйскаго, болѣе національнымъ путемъ. Механизмъ этого пути начался по старому способу — появленіемъ второго Лжедмитрія, Тушинскаго вора. Не успѣлъ Шуйскій воцариться, какъ уже снова былъ пущенъ слухъ, что убить не Дмитрій, кто-то другой. Въ самый день переворота, одинъ изъ приверженцевъ самозванца Михаилъ Молчановъ, бѣжалъ изъ Москвы къ Литовской границѣ, явился въ Самборъ и сталъ распространять слухи о спасеніи Царя - Дмитрія. И такъ какъ недовольныхъ Шуйскимъ было много, этими слухами воспользовался князь Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедмитрія, посланный за это Шуйскимъ въ Путивль, объявивъ, что Дмитрій живъ и поднималъ народъ противъ Шуйскаго. Къ Путивлю присоединились Елецъ, Черниговъ потомъ Тула, Рязань, Поволжскіе города. Начали подниматься крестьяне, холопы и поволжскіе инородцы. Въ Астрахани поднялся народъ и казаки.

Представителемъ и вождемъ этого низового крестьянскаго и казацкаго движенія является Иванъ Болотни-

ковъ, быстро сближающійся съ Шаховскимъ. Болотниковъ былъ изъ холоповъ князя Телетевскаго; когда-то попалъ въ плѣнъ къ татарамъ; проданъ туркамъ; работалъ на галерахъ; бѣжалъ въ Венецію, оттуда въ Польшу; оттуда его направили въ Путивль къ Шаховскому. Болотниковъ типичный революціонеръ-большевикъ того времени: онъ созываетъ подъ свои знамена гулящихъ людей, разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, обѣщаетъ имъ прощеніе и льготы. Поднимаетъ низшіе классы не только за *Дмитрія*, но и *противъ высшихъ классовъ*, т. е. стремится придать Смуть *соціальный* характеръ. При первой встрѣчѣ войскъ Болотникова съ войсками Шуйскаго, побѣда остается на его сторонѣ, и популярность Болотникова возрастаетъ, дѣлаетъ его признаннымъ вождемъ низовъ.

Поднимается и средній служилый классъ, среднее дворянство, вождемъ котораго выступаетъ рязанскій дворянинъ, Прокопій Ляпуновъ. Ополченіе Ляпунова сходится по пути къ Москвѣ съ сбродными войсками Болотникова. Въ Коломенскомъ подѣ Москвой дворянское и низовое ополченіе Ляпунова и Болотникова, не ладятъ между собой: соціально — это силы не сходныя, а крайній демагогизмъ Болотникова не уменьшился и при соединеніи съ Ляпуновымъ. Болотниковъ самостоятельно посылалъ изъ Коломенскаго грамоты въ Москву, призывая въ нихъ народъ бороться противъ высшихъ классовъ. Патріархъ Гермогенъ, избранный при Шуйскомъ, въ своихъ грамотахъ указывалъ на то, что «воры изъ Коломенскаго пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы и велятъ боярскимъ холопамъ избивати своихъ бояръ и женъ ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и околичество и дьячество».

Эта большевистская демагогія Болотникова заставила Ляпунова отдѣлиться отъ него и перейти на сторону Шуйскаго. Дѣло Шуйскаго на нѣкоторе время было спасено. Онъ даже пытался уговорить Болот-

никова смириться — «отстать отъ воровства». Но Болотниковъ или не довѣрялъ Шуйскому или его дѣйствительно не тянуло итти заодно съ дворянами въ пользу Шуйскаго, и побѣжалъ на югъ въ Серпуховъ, потомъ въ Калугу и въ Тулу. Здѣсь онъ соединился съ новымъ самозванцемъ терскимъ казакомъ Петромъ, выдававшимъ себя за несуществовавшаго сына Царя Федора. Въ Тулѣ же былъ и Шаховской. Весною 1607 года Шуйскій осадилъ Тулу и выморилъ ее голодомъ. Болотниковъ былъ утопленъ, Лже-Петръ повѣшенъ, а Шаховской сосланъ въ пустынь на Кубенскомъ озерѣ.

Но второй Лжедмитрій все же явился, конечно, съ той же Литовской границы. Онъ объявилъ себя тамъ роднею Нагихъ, и его направили въ Стародубъ, откуда онъ сталъ распространять слухи, что Дмитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Въ него увѣровали и стали поддерживать его. Вокругъ него собралась дружина изъ поляковъ, казаковъ и пр. Онъ двинулся на Москву и вскорѣ занялъ Тушино. Польскіе отряды князя Рожинскаго, Лисовскаго и Яна Сапѣги, поддерживали второго Лжедмитрія — Тушинскаго Вора. Стремясь пробраться и сѣвернѣе Москвы, гдѣ населеніе было богаче, чѣмъ на югѣ, тушинцы осадили въ 1608 г. Троице-Сергіевскую Лавру, которая стойко держалась до начала 1610 г., не пустила тушинцевъ въ Москву. Но сѣверъ все же ими былъ въ значительной части занятъ и призналъ Лжедмитрія Второго (Суздаль, Владиміръ, Ярославль, Вологда). Однако, убѣдившись въ томъ, что тушинцы дѣйствительно «воры», а не царскія войска, сѣверные города подняли движеніе противъ Лжедмитрія, въ пользу Шуйскаго, или по принципу: «не спѣшите креста цѣловать не угадать, на чемъ совершится» — просто «за порядокъ», а не за Шуйскаго. Въ этомъ движеніи играли роль и Строгановы, эти богатѣйшіе уже тогда представители средняго промышленнаго класса изъ низовъ.

Шуйскій, не чувствуя своей силы, рѣшилъ искать внѣшней помощи и *интервенціи*. Еще въ 1608 г. онъ послалъ своего племянника, Михаила Скопина-Шуй-

скаго, въ Швецію для переговоровъ съ Королемъ Карломъ IX о помощи. Въ 1609 г. и было достигнуто соглашеніе союзъ съ Карломъ IX, по которому король долженъ былъ послать въ помощь Шуйскому шведское войско (въ шесть тысячъ), а Шуйскій долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Ливонію и объязался вѣчнымъ союзомъ противъ Польши. Скопинъ со шведами двинулся въ 1609 г. отъ Новгорода къ Москвѣ; подъ Тверью разбилъ значительныя силы тушинцевъ и заставилъ ихъ снять осаду Троицкаго монастыря. Въ то же время съ юга отъ Астрахани, вверхъ по Волгѣ, двинулся къ Москвѣ Шереметевъ, поднявшій въ Астрахани мятежъ. Осенью 1609 г. Шереметевъ соединился со Скопинымъ въ Александровской слободѣ, подъ Москвой. Тушино разбѣжалось, отчасти поэтому, отчасти и потому, что на Москву же пошелъ самъ король польскій Сигизмундъ, происходившій изъ дома Вазы, наслѣдовавшій шведскій престолъ послѣ своего отца Іоанна, но свергнутый шведами, избравшими его дядю, Карла IX. Сигизмундъ объявилъ Карлу IX войну, а послѣ союза Карла IX съ Шуйскимъ и Шуйскому. Въ сентябрѣ 1609 г. Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ, который, однако подъ командой Шеина долго не сдавался. Въ Тушино Сигизмундъ послалъ сказать полякамъ, чтобы они шли служить ему, а не Самозванцу. Послѣднему пришлось бѣжать изъ Тушина — въ Калугу, гдѣ вокругъ него стало собираться казачество. Поляки частью отправились къ королю, частью разбрелись шайками. Русскіе же тушинцы частью остались съ Самозванцемъ, частью явились съ повинной къ Шуйскому, а частью, наконецъ, примкнули къ новой мысли: вступить въ переговоры съ Сигизмундомъ о томъ, чтобы посадить на царство въ Москвѣ сына Сигизмунда — Владислава. Во главѣ этихъ русскихъ тушинцевъ «съ польской ориентаціей» оказались Салтыковъ, князя Масальскій и Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ и др. «добрые дворяне»; дьякъ Грамотинъ, и люди «низкаго происхожденія» — Андроновъ, Молчановъ и др. Все это люди средняго класса, не желавшіе признать Шуйскаго, об-

манутые Лжедмитріемъ и своимъ тушинскимъ положеніемъ вынужденные обратиться къ новой, оригинальной идеѣ, имѣвшей видъ «реальной политики». Они шли на «польскую оріентацію» только подъ извѣстными условіями, выраженными въ договорѣ, заключенномъ ими съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ. Договоръ этотъ, по Ключевскому, отличался національно-консервативнымъ направленіемъ. Главнѣйшія статьи договора таковы: 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго Патріарха; 2) православіе въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по прежнему; 3) имущества и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенными; 4) судъ долженъ совершаться по старинѣ, а измѣненія, если будутъ нужны, «то вольно будетъ боярамъ и всей землѣ»; 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія; 6) великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ; 7) для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли; 8) назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы; 9) крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу; 10) холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи и вольности имъ король давать не будетъ. Остальныя статьи договора устанавливаютъ внѣшній союзъ и внутреннюю независимость и автономію Московскаго и Польскаго государствъ.

Договоръ этотъ проникнутъ и національнымъ, и государственнымъ самосознаніемъ его авторовъ. Онъ отражалъ и защищалъ интересы среднихъ классовъ государства. «Ограниченіе самодержавія» этимъ договоромъ имѣлся не принципиальный, а скорѣе практическій характеръ, чтобы иноземный и иновѣрный государь не вздумалъ слишкомъ круто ломать московскіе порядки. По выраженію Ключевскаго, этотъ договоръ былъ выраженіемъ стремленій «довольно посредственной знати

и выслужившихся дѣльцовъ», стремившихся въ боярство, въ высокія положенія въ государствѣ.

Хотя Шуйскій и освободился отъ угрозы Тушина, но положеніе его все же оставалось непрочнымъ: и Смоленскъ, и Калуга угрожали, а внутреннее сплоченіе и поддержка не налаживались. Ляпуновъ, повидимому, предлагалъ престолъ молодому Скопину, популярность котораго, за освобожденіе Троицкой Лавры, возрастала. Скопинъ неожиданно въ апрѣлѣ 1610 г. умираетъ, можетъ быть, не безъ вины Шуйскаго. Воеводой, вмѣсто Скопина, назначается братъ Шуйскаго, двинувшійся на освобожденіе Смоленска, но подъ Клушинымъ разбитый Жолкѣвскимъ. Поляки быстро пошли къ Москвѣ. Туда же направился и Тушинскій Воръ изъ Калуги, и такъ же быстро дошелъ до Коломенскаго. Въ Москвѣ противъ Шуйскаго начинаетъ дѣйствовать Ляпуновъ, и когда въ Москву дошла вѣсть о клушинскомъ пораженіи, и настроеніе народа было явно противъ Шуйскаго, «онъ государь несчастливъ изъ-за него кровь многая льется», Ляпуновъ 7 іюля 1610 г. потребовалъ отъ Шуйскаго отреченія. Шуйскій послѣ попытокъ упорства, отрекся и былъ насильно постриженъ въ монахи.

Москва осталась безъ Царя и безъ яснаго кандидата въ Цари. Созвать Соборъ для избранія Царя было трудно: и поляки, и Самозванецъ стояли у воротъ Москвы. А сознаніе необходимости возстановить сильную и твердую власть созрѣло у всѣхъ. «Моментъ» подсказывалъ практическую неизбежность выбора лишь одного изъ двухъ, располагавшихъ реальной силой кандидатовъ, или Владислава, или Самозванца. Но здоровое національное чутье подсказывало, что ни изъ того, ни изъ другого кандидата толку не выйдетъ, государство не достигнетъ успокоенія, Смута не будетъ кончена. Патриархъ, духовенство, мелкій московскій людъ и служилый, и низовой, т. е. средніе слои, въ массѣ своей, хотѣли русскаго царя. Знать же склонялась къ Владиславу или другому иностранцу въ надеждѣ на «ограниченіе самодержавія», на большую легкость взять иноземца-царя въ руки, закрѣпить за верхами тѣ привилле-

гій въ смыслѣ дѣлежа власти, которыхъ родовитое боярство не хотѣло бы лишиться. Но національное теченіе, не говоря уже о невозможности произвести немедленно избраніе Царя, раскалывалось и на кандидатахъ: Патриархъ Гермогенъ указывалъ на молодого Михаила Федоровича Романова; съ Патриархомъ были и низы; часть же духовенства и среднихъ классовъ выдвигали Василія Васильевича Голицына. Знать стояла за Владислава и по политическимъ, и по социальнымъ мотивамъ. Иностранная кандидатура примиряла борящіеся партіи въ средѣ самого боярства и давала въ то же время больше шансовъ на «ограниченіе самодержавія», угодное для знати. А социальный мотивъ заключался въ опасеніяхъ какъ бы низы, роль которыхъ въ условіяхъ Смуты становилась все болѣе и болѣе активной, не получили такой силы, что будущій Царь былъ бы вынужденъ пойти на чувствительныя для знати социальныя уступки низамъ по тому направленію, какое подсказывала демагогическая политика Болотникова. А такъ какъ серьезныя социальныя уступки только-что пробуждавшимся тогда низамъ, особенно крестьянамъ, въ то время практически еще были невозможны, такъ какъ народное хозяйство почти полностью земледѣльческое натуральное безъ извѣстнаго прикрѣпленія рабочей силы къ землѣ политическимъ путемъ, разъ экономическій былъ невозможенъ, развиваться не могло, то социальныя опасенія боярства были преувеличены. Болѣе реальными были политическіе мотивы боярства. Но усиленіе низовъ, усиленіе социального элемента въ Смутѣ, безспорно, усложнило бы, углубило бы, продолжило бы Смуту и сдѣлало бы ее гораздо болѣе кровавой. *Государство* отъ этого потеряло бы, въ томъ числѣ и тѣ самые низы, именемъ которыхъ дѣйствовали бы такіе вожди низовъ, какъ Болотниковъ, и такіе претенденты на престолъ, какъ Самозванцы. Во имя порядка, т. е. во имя общегосударственныхъ интересовъ нужно было стремиться возможно скорѣе возсоздать крѣпкую національную власть, не осложняя дѣла ни попытками привлеченія иностраннаго вліянія, на чемъ готовы были

стоять верхи, для которыхъ культурно и соціально-иноземный кандидатъ быть, можетъ быть, ближе и понятнѣе, чѣмъ кандидатъ среднихъ національныхъ классовъ, особенно съ перспективой извѣстнаго, вынужденнаго подчиненія просыпавшимся соціальнымъ требованіямъ низовъ; ни попытками поставить на очередь такія сложныя соціальныя проблемы, къ которымъ инстинктивно скорѣе, чѣмъ сколько нибудь сознательно склонялась политика такого предшественника Разина, Пугачева и современнаго низового большевизма, какимъ являлся Болотниковъ.

Но отсюда, конечно, никакъ не слѣдуетъ, чтобы низовое движеніе и того времени, представлявшееся «вольнымъ» казачествомъ, буйнымъ, еще не дисциплинированнымъ, а потому особенно въ обстановкѣ Смуты склоннымъ къ грабежамъ, насиліямъ, вообще, говоря языкомъ того времени, къ «воровству», являлось только отрицательнымъ факторомъ того времени и должно быть разсматриваемо, какъ сила антигосударственная, разрушительная, съ которой «здоровые» элементы должны были только бороться, даже не пытаясь солидаризироваться. Такой взглядъ, а его, повидимому, склоненъ придерживаться даже проф. С. Д. Платоновъ (см. особенно главу: «Третій періодъ Смуты» 280—320 стр.) едва ли справедливъ и даже фактически вѣренъ. Если идеологическую основу низового казачьяго большевизма того времени составляло стремленіе закрѣпить «вольности» тѣхъ элементовъ крестьянства, которые рисковали бросать ослѣдое, трудовое положеніе тяглыхъ людей и холоповъ, и уходили на окраины государства, тѣмъ самымъ принимая на себя весьма важную, съ общегосударственной точки зрѣнія, задачу и функцію, военную защиту окраинъ, то едва ли можно было отрицать за такими элементами крестьянства, боевыми и передовыми, хотя еще и не дисциплинированными права на «закрѣпленіе вольностей», т. е. на юридическое признаніе за ними того переходнаго соціального положенія, отъ тяглыхъ низовъ къ среднимъ классамъ, какого они заслужили своей дѣйствительной государствен-

ной ролью. Казачество, особенно старое, въ то время съ соціально-политической точки зрѣнія, представляло нѣчто аналогичное «среднему крестьянству» времени Столыпина и нынѣшняго времени. На него и можно, и должно было опираться національно-государственному теченію и будущей національной государственной власти. Да фактически такъ и было, такъ и случилось. И конечный результатъ исторической эволюціи казачества привелъ къ закрѣпленію казачьихъ вольностей, къ созданію изъ него какого-то промежуточного соціального слоя, нѣсколько болѣе привилегированнаго и экономически болѣе богатаго, чѣмъ массы крестьянскихъ низовъ, а политически вполне солидарнаго съ государственной властью при Монархіи и роль казачества въ разрѣшеніи Смуты оказалась далеко не отрицательною и далеко не маловажною.

Наряду съ моментами «воровства» и распущенности къ которымъ во время Смуты, особенно во время Самозванцевъ, оказались въ части своей склонными въ еще болѣе отрицательной формѣ, политическаго перебѣжничества, подкупности, личнаго карьеризма и т. п. и средніе классы, и боярство, бѣгавшіе даже и къ Тушинскому Вору за подачками, за наградами, за карьерой, въ средѣ казачества зрѣли, а въ концѣ Смуты и окрѣпли элементы и начала явно государственныхъ, давшія значительную поддержку среднимъ слоямъ въ ихъ стремленіи къ завершенію Смуты путемъ избранія національной Верховной Власти. Это показываетъ и доказываетъ всего лучше роль казачества именно въ третій — послѣдній періодъ Смуты.

Подъ вліяніемъ боярства, а можетъ быть, и значительной части среднихъ слоевъ, видѣвшихъ безвыходность «момента», Москва 27 августа 1610 г. присягнула Владиславу, именемъ котораго Жолкѣвскій торопился, да и бояре его торопили изъ Можайска къ Москвѣ, «освободить Москву отъ Вора». Присяга была дана на основахъ договора 4 февраля, изъ котораго боярство, однако, выбросило пунктъ о свободѣ выѣзда за границу для науки и пунктъ о «повышеніи меньшихъ людей».

Воръ былъ прогнанъ и опять убѣждалъ въ Калугу. Но Москва должна была подчиниться власти иноземца. Бояре, боясь за порядокъ, сами просятъ занять Москву польскимъ гарнизономъ. Ихъ не особенно смущало даже то, что поляки въ Москвѣ стали держать себя, какъ завоеватели, не церемонясь даже и съ Православной Церковью. Бояре стояли за то, чтобы поскорѣе вызвать Владислава и присягнуть ему.

Но національное чувство и чутье заговорило въ массахъ, вождемъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, явилось духовенство, во главѣ съ Патріархомъ Гермогеномъ. Соглашаясь на Владислава при непремѣнномъ условіи принятія имъ православія, Гермогенъ очень скоро почувствовалъ всю иллюзорность этого условія и повернулъ противъ поляковъ, чувствуя и понимая, что иноземная власть не можетъ дать конца Смутѣ. *Національный* подъемъ, вызванный протестомъ противъ иноземной власти, къ тому же не умѣвшей хотя бы изъ осторожности, сдерживать себя, создалъ *національное движеніе*, національное объединеніе, далъ національную окраску политическому сознанию и стремленію къ прекращенію Смуты избраніемъ національной Власти. И вотъ въ этотъ моментъ къ національному движенію, полититически руководимому средними слоями, главнымъ образомъ служилымъ дворянствомъ, духовенствомъ и горожанами, рѣшительно примыкаетъ и казачество.

Шансы «польской оріентаціи» быстро и безнадежно падали. Этому помогло и то, что самъ Сигизмундъ стремился сѣсть въ Москвѣ, вмѣсто своего сына Владислава. «Великое посольство», отправившееся къ нему за Владиславомъ и заключавшее въ себѣ до тысячи челоуѣкъ, во главѣ съ Филаретомъ Романовымъ, отцемъ будущаго Царя, и княземъ В. В. Голицынымъ, другимъ кандидатомъ въ Цари, такой подборъ посольства былъ умышленно сдѣланъ Жолкѣвскимъ, чтобы удалить изъ Москвы естественныхъ соперниковъ Владислава (или Сигизмунда), это посольство твердо стояло на соблюденіи договора, особенно пунктовъ касавшихся Правосла-

вія, и не соглашалось на замѣну Владислава его отцомъ. Поляки стояли на своемъ; заявили, что договоръ едва ли можетъ быть для Польши обязательенъ; старались внести расколъ въ среду самого посольства, частью успѣвъ въ этомъ (Салтыковъ напр., Андроновъ, и даже Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, получившій милости отъ Сигизмунда, вернулись въ Москву сторонниками Сигизмунда); все это сразу повернуло народъ противъ поляковъ и способствовало быстрому росту національнаго движенія. Частью это усилило даже шансы самозванца. Но въ декабрѣ 1610 г. Тушинскій Воръ былъ убитъ въ своемъ лагерѣ, во время столкновенія на личной почвѣ съ однимъ изъ своихъ приверженцевъ. Смерть Самозванца развязала руки Ляпунову, признавшему Владислава до смерти Вора, но уже въ январѣ 1611 г. двинувшагося со своимъ дворянскимъ ополченіемъ къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ поляковъ. Примкнули къ національному движенію и всѣ тѣ силы города и отряды, которые раньше признавали Самозванца. Образовалось такъ называемое «первое земское ополченіе», въ которомъ главную роль играло служилое дворянство, во главѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ и княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, и казачество, во главѣ съ тушинскими боярами — княземъ Дм. Тим. Трубецкимъ и Заруцкимъ. Весной 1611 г. «земское ополченіе» подошло къ Москвѣ. Боярство снова оказалось не за одно съ національнымъ движеніемъ. Оно осталось вѣрнымъ полякамъ; смотрѣло на ополченіе, какъ на новое нарушеніе порядка, и даже когда ополченіе обложило Кремль и Китай-Городъ, боярство предпочло укрыться туда вмѣстѣ съ поляками. Сигизмундъ не въ состояніи былъ притти на помощь своему гарнизону; онъ не могъ даже взять Смоленска. Поляки были бы вытѣснены изъ Кремля очень скоро, если бы въ средѣ ополченія не начались и личные, и соціальныя раздоры.

Вожди ополченія Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкой и фактически, и по избраніи самого ополченія, оказались въ положеніи «временнаго правительства»: они вѣдали

не только военными, но и земскими дѣлами-финансами, администраціей и даже внѣшней политикой и защитой государства. Ополченіе имѣло свою Думу, свой Совѣтъ, которому подчинялись правители. Дѣло и положеніе такого «временнаго правительства» было не изъ легкихъ, и для раздоровъ всегда нашлась бы почва, даже если бы ополченіе по своему соціальному составу было болѣе однороднымъ. Разнородность состава, борьба казачьей части ополченія за свои «вольности», а дворянской части — противъ этихъ вольностей, самый принципъ которыхъ грозилъ въ будущемъ осложненіями, главнымъ образомъ, въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ существенно задѣвавшимъ экономическіе интересы помѣстнаго служилаго слоя, представленнаго въ ополченіи Ляпуновымъ, эта борьба, конечно, только усилила раздоры. Но *массы* ополченія и казацьи, и дворянскія стремились къ примиренію, къ государственному объединенію. Въ іюнѣ 1611 они обратились къ своимъ вождямъ съ просьбой «общимъ совѣтомъ» подумать о прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій въ ополченіи. Среди этихъ причинъ раздора были, очевидно, и юбычныя, личныя, но были и болѣе глубокія: «не знали, что дѣлать и какъ обращаться съ тѣми *холопами*, которые убѣждали отъ своихъ господъ и теперь служили въ войскѣ казаками, уже какъ вольные люди. Сначала этихъ бѣглыхъ людей воеводы ополченія призывали подъ свои знамена, обѣщая считать ихъ вольными казаками. Но служилый элементъ въ ополченіи не могъ относиться сочувственно къ такой мѣрѣ: она создавала очень непріятный для служилаго люда порядокъ въ будущемъ, имъ могли пользоваться и другіе холопы и убѣгать отъ господъ въ надеждѣ потомъ вернуться на Русь свободными людьми».

Этотъ «общій совѣтъ» Соборъ всея рати, выборный, состоялся 29 и 30 іюня 1611 г. Приговоръ 30 іюня касается не только войскъ, но всего государства. Приговоръ утвердилъ тѣхъ же трехъ правителей; ограничилъ ихъ право присуждать къ смертной казни «безъ приговора всей земли»; регулировалъ дѣйствія при-

казовъ», т. е. центральныхъ административныхъ органовъ; пытался внести порядокъ въ *земельныя отношенія* въ помѣстные дѣла: было рѣшено отобрать всѣ тѣ помѣстные земли, владѣльцы которыхъ не служили въ войскѣ, или превышавшія нормальный помѣстный окладъ; отобранныя земли *раздать* въ помѣстья неимущимъ или разореннымъ служилымъ людямъ; оставить помѣстья за членами «великаго посольства», задержанными Сигизмундомъ; за семьями дворянъ, убитыхъ на службѣ; позволено было *получать помѣстья казакамъ*, давъ такимъ образомъ и казакамъ выходъ въ служилое сословіе; но бѣглыхъ крестьянъ и холопей, до сихъ поръ считавшихся казаками, постановили *возвращать прежнимъ господамъ* и обращать въ прежнее состояніе».

Это послѣднее постановленіе, продиктованное превеличенными страхами служилаго, дворянскаго элемента за свои экономическіе интересы, было явной и грубой, при томъ совершенно ненужной, ошибкой со стороны служилаго большинства «собора» 30 іюня 1611 г. Оно не могло не обострить отношеній между казачествомъ и дворянствомъ. Если даже элементъ «бѣглыхъ крестьянъ и холопей» былъ и незначителенъ въ казачьей части ополченія, чувство солидарности не могло не заговорить въ казакахъ, да и чувство государственной справедливости: соборъ могъ еще сдѣлать такое постановленіе *на будущее время*, но не по отношенію къ тѣмъ, кто уже боролся за общее національное дѣло въ рядахъ ополченія, да еще по зову самихъ же вождей. И болѣе, чѣмъ неубѣдительными являются слова проф. Платонова оцѣнившего это постановленіе Собора: «элементъ общественный взялъ верхъ надъ элементомъ противообщественнымъ». Напротивъ, это постановленіе было явно «противообщественнымъ», потому что оно повело къ распаду ополченія. И едва ли (по существу ошибся лѣтописецъ, приписавшій Ляпунову вліяніе на составленіе приговора «приказаль его составить», повлекшаго за собой волненія въ ополченіи и смерть-убійство Ляпунова отъ руки казаковъ, особенно отъ тѣхъ «бѣглыхъ крестьянъ и холопей», которымъ предстояло

«возвращеніе прежнимъ господамъ». Усобицамъ въ ополченіи всячески содѣйствовали и поляки. Тѣмъ болѣе не правъ проф. Платоновъ, что отъ этихъ усобицъ первыми стали оставлять ополченіе и «брести разнѡ» дворяне, а казаки и послѣ такого несправедливаго приговора все же остались въ ополченіи и продолжали поддерживать осаду поляковъ. Дворяне ушли, не смотря на то, что дѣла государства въ это время становились хуже. Сигизмундъ взялъ, наконецъ, Смоленскъ. Шведы взяли Новгородъ да еще съ договоромъ, заключеннымъ митрополитомъ Исидоромъ и воеводой княземъ Одоевскимъ, по которому Новгородъ становился особымъ государствомъ, съ сыномъ шведскаго короля въ качествѣ Царя, даже безъ принятія православія. Въ Псковѣ появился третій Лжедмитрій. А дворянскій элементъ ополченія разбѣгался, не находя въ себѣ силы примириться съ казачествомъ. И когда въ октябрѣ 1611 г. къ Москвѣ подошелъ гетманъ Ходкевичъ, посланный Сигизмундомъ послѣ взятія Смоленска, одни казаки сами отбили его отъ Москвы.

На гораздо болѣе вѣрной государственной точкѣ зрѣнія стоялъ архимандритъ Троицкой Лавры Діонисій, разсылавшій грамоты объ общемъ національномъ объединеніи, представлявшій въ этихъ грамотахъ казаковъ «защитниками вѣры и порядка» и рекомендовавшій земщинѣ, т. е. среднимъ служилымъ дворянскимъ кругамъ, «союзъ съ казачествомъ», чѣмъ эти круги, поднявшіе послѣ смерти Ляпунова кличъ объ объединеніи «земли» не только противъ поляковъ, но и *противъ казаковъ*. Если и Гермогенъ, сидѣвшій уже въ это время въ заточеніи у поляковъ, былъ изъ естественной солидарности съ национальнымъ движеніемъ дворянства солидаренъ съ послѣднимъ, какъ будто-бы, въ отношеніи къ казакамъ, судя по грамотѣ его въ Нижній, послѣ того, какъ до него дошли слухи о желаніи казачьяго ополченія присягнуть сыну Марины Мнишекъ отъ перваго Самозванца, то это скорѣе можно объяснить именно этимъ поводомъ, возбуждившемъ въ Патріархѣ тревогу, чѣмъ *соціальной* его солидарностью съ дворянствомъ,

отколовшимся отъ казачества, несомнѣнно, по мотивамъ не общегосударственнымъ, а классовымъ, ярко сказавшимся въ томъ пунктѣ приговора 30 іюня 1611 г. изъ-за котораго первое ополченіе было оставлено дворянствомъ послѣ убійства Ляпунова. Гермогенъ былъ близокъ съ Діонисіемъ, и едва ли Діонисій сталъ бы призывать въ своихъ грамотахъ къ союзу съ казаками и называть ихъ защитниками вѣры и порядка, если бы Гермогенъ не раздѣлялъ такихъ взглядовъ.

Гермогенъ и Діонисій стояли въ центрѣ общенациональнаго движенія. Троицкій монастырь былъ крупнейшей не только духовной, но и матеріальной базой этого движенія, имѣвшей огромныя средства: у него — около 1620 г. — насчитывалось до 1000 сель; онъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ въ государствѣ. Возглавленіе *національнаго* движенія Патріархомъ и духовенствомъ было естественно и неизбѣжно, такъ какъ сильнѣйшей основой и скрѣпой національнаго самосознанія и единства была православная вѣра, хранителемъ и защитникомъ которой была Церковь и ея Патріархъ, а Смута, и особенно внѣшнія силы, ее поддерживавшія, въ первую очередь Польша съ ея католичествомъ, дѣлали самый рѣшительный натискъ и на Православную Церковь. Патріархъ хорошо понималъ, что кандидатура польскаго короля или королевича на русскій престолъ грозила Православію. Унія 1596 г. въ польско-литовскомъ государствѣ и ея послѣдствія для Православія въ русскихъ частяхъ этого государства была тогда у всѣхъ въ Москвѣ въ свѣжей памяти. Православіе, какъ основа національнаго движенія, являлось силой государственной и общегосударственной, а не классовой. Конечно, поскольку средніе классы — со служилымъ дворянствомъ въ центрѣ — являлись наиболѣе прочной реальной силой государственности въ то время, и духовенство во главѣ съ Патріархомъ не могло не стоять за одно съ этими классами, само составляло часть ихъ. Но проповѣдывать борьбу «и противъ казаковъ» — духовенство, какъ слой — едва-ли могло. Вѣрнѣе, что оно шло за

Троицкимъ архимандритомъ Діонисіємъ, призывавшимъ къ союзу съ казаками, къ единенію всей націи противъ общаго внѣшняго врага, угрожавшаго и Православію и русской національной государственности.

Конечно, средніе классы, особенно дворянство, подъ впечатлѣніемъ смерти Ляпунова и распада перваго ополченія, продолжали оставаться не расположенными къ единству съ казаками, и могли на дальнѣйшее время склоняться къ тактикѣ самостоятельныхъ военныхъ выступленій, безъ слиянія съ казаками. А политическій мотивъ — опасность третьяго Самозванца, къ которому казаки, будто-бы, хотѣли склониться, могъ создать даже и тактику «противъ казаковъ», какъ это сказывалось въ Нижнемъ Новгородѣ, въ моментъ сформированія тамъ «второго ополченія» во главѣ съ бывшимъ соратникомъ Ляпунова, княземъ Пожарскимъ, раненымъ тогда подъ Москвой, и представителемъ городскихъ верховъ Кузьмой Мининымъ, въ сентябрѣ-октябрѣ 1611 г. Въ грамотѣ нижегородцевъ къ другимъ городамъ о поддержкѣ ополченія, они призывали «съ нами быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людямъ на польскихъ и литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки по прежнему низовой рати своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и *Маринкинымъ сыномъ* не разгонили».

Второе ополченіе выступило изъ Нижняго къ Москвѣ въ мартѣ 1612 г. Князь Пожарскій былъ и главой ополченія, и главой «земской» власти, аналогично съ «временнымъ правительствомъ» перваго ополченія. Въ апрѣлѣ Пожарскій уже разсылаетъ грамоту о присылкѣ выборныхъ «для царскаго обираія», т. е. созываетъ Соборъ въ надеждѣ на то, что въ случаѣ успѣха ополченія этотъ Соборъ въ Москвѣ немедленно изберетъ Царя. До того момента Соборъ этотъ былъ, очевидно, органомъ управленія при Пожарскомъ, и этимъ фактически функціи его ограничивались, такъ какъ занявши Москву и очистивши ее отъ польскаго гарнизона, Пожарскій новой грамотой отъ 15 ноября созвалъ по десяти выборныхъ отъ городовъ для избранія Царя.

Интересно отмѣтить, что бояре, сидѣвшіе въ Кремлѣ съ поляками и на этотъ разъ пытались, особенно послѣ появленія третьяго псковскаго Самозванца, призывать народъ къ вѣрности Владиславу. Конечно, эти попытки были совершенно безсильными. Избраніе національнаго Царя было всеобщей мыслью и единственной надеждой на завершеніе Смуты. Владиславъ и самозванцы въ глазахъ народа уже были лишь «всей крови заводчики». Народъ сознавалъ, что «безъ государя ни малое время быти не можно; пецися о государствѣ и людьми Божьими промыслять некому». А тутъ и внѣшняя опасность снова увеличилась: Сигизмундъ двинулся на Москву и дошелъ до Волоколамска. Съ выборами Царя торопились. Въ январѣ 1613 г. выборные люди уже съѣхались въ Москву, Соборъ открылся и 7 февраля пришелъ къ соглашенію избрать Михаила Феодоровича Романова, который и былъ избранъ единогласно 21 февраля въ торжественномъ засѣданіи въ Успенскомъ Соборѣ.

Каковы же были въ это время отношенія казачества къ національному дѣлу и отношенія къ казачеству со стороны второго ополченія? Прежде всего нужно отмѣтить, что уже при выходѣ князя Пожарскаго изъ Нижняго у него былъ значительный отрядъ казаковъ. Очевидно «борьба противъ казаковъ» съ лозунгомъ которой будто бы выступали нижегородцы, касалась только извѣстной части казачества, скорѣе всего той низовой части, противъ которой было вынесено постановленіе Собора перваго ополченія, стоившее жизни Ляпунова и разложенія ополченія. Изъ этой части казачества бѣглыхъ крестьянъ и холопей вѣроятнo формировались по преимуществу и тѣ разрозненныя казачьи шайки, которыя занимались грабежомъ и представляли, конечно, элементъ и безпокойный, и мало надежный. Но было и «старое» казачество, которое продолжало охранять Москву отъ поляковъ въ то время, когда служилое дворянство Ляпунова разбрелось по домамъ. Такіе же казачьи элементы пошли и съ самимъ Пожарскимъ, не смотря на несомнѣнную подозрительность Пожарскаго

къ казакамъ. У Пожарскаго, повидимому, даже была мысль совершить избраніе Царя въ Ярославль, а не въ Москвѣ, гдѣ реальная сила была въ рукахъ казачества, стоявшаго тамъ подъ главенствомъ Заруцкаго и Трубецкого. Цѣлое лѣто Пожарскій простоялъ въ Ярославль и только въ августѣ двинулся къ Москвѣ. Здѣсь онъ сталъ особымъ станомъ отъ казаковъ и тѣмъ, понятно, вызвалъ непріязнь казаковъ. Пожарскій едва не повторилъ ошибки Ляпунова, въ которой съ *государственной* точки зрѣнія конечно, не было никакой надобности. Уже одно то, что во главѣ казаковъ стояли бояре Заруцкій и князь Трубецкой, говорило объ этомъ. Конечно, Заруцкій не былъ родовитымъ, какъ князь Трубецкой. Но онъ не былъ какимъ нибудь демагогомъ-вождемъ «бѣглыхъ крестьянъ и холопей», вродѣ Болотникова. Но демонстративное обособленіе нижегородскаго ополченія при появленіи его въ Москвѣ, понятно, вызвало раздраженіе и протестъ части казачьяго ополченія вѣроятно, болѣе «демократической»: во главѣ съ Заруцкимъ эта часть оставила ополченіе и ушла изъ Москвы на югъ. Но другая часть, въ концѣ концовъ, соединилась съ ополченіемъ. Образовалось снова одно ополченское правительство, во главѣ котораго стали Трубецкой, Пожарскій и Мининъ. Была ли это «капитуляція» казачества передъ «земскимъ» ополченіемъ, какъ говоритъ проф. Платоновъ (стр. 307), или это было естественное *національное* объединеніе, въ которомъ и низы въ лицѣ казачества не могли не участвовать, даже видя, что руководящая роль въ движеніи принадлежитъ среднимъ классамъ «земству», т. е. служилому дворянству прежде всего и больше всего, можно думать разное. Но фактомъ остается то, что именно *казачество*, котораго и къ моменту выбора Царя Соборомъ въ Москвѣ было въ ополченіи больше, чѣмъ служилаго дворянства, рѣшило избраніе именно Михаила Феодоровича Романова, и рѣшительно стояло противъ избранія какого бы то ни было Царя изъ иностранцевъ, къ чему даже и тогда были склонны бояре. Самъ князь Пожарскій незадолго передъ Соборомъ сносился со шведами по

вопросу объ избраніи на Московскій престолъ сына Карла IX — Филиппа, и съ германскимъ императоромъ объ избраніи сына императора Рудольфа. Псковскій лѣтописецъ по этому поводу замѣчаетъ: «народы же ратные не восхотѣли ему (царь изъ иностранцевъ) быти». Со стороны Пожарскаго это былъ только дипломатическій маневръ, говоритъ проф. Платоновъ. Но все же именно «народы ратные», въ томъ числѣ и казаки, «того не восхотѣли». А на допросѣ взятаго въ плѣнъ поляками боярскаго сына Ивана Философова были даны такія показанія: «На Москвѣ у боярѣ, которые вамъ, великимъ государямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на господарство васъ, великаго государя королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о томъ говорити не смѣють, *боясь казаковъ*, а говорятъ, чтобы обратъ на господарство чужестранца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобы обратъ кого изъ русскихъ боярѣ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго. И во всемъ де (и) казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлають, что хотятъ; а дворяне де и дѣти боярскіе разѣхались по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпята тысячи (4500) человекъ, да стрѣльцовъ съ тысящу человекъ, да мужики чернь. А боярѣ де и господари, и князя Феодора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли (съ поляками), въ думу не припускають, а писали объ нихъ въ города ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ? А дѣлаеть всякія дѣла князь Дмитрій Трубецкой да князь Дмитрій Пожарскій да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ того еще не постановили на мѣрѣ» (стр. 209). Послѣ такихъ показаній полякамъ двигаться къ Москвѣ не стало охоты, и Сигизмундъ повернулъ назадъ.

Такова была роль казачества: явно національная, явно *государственная*, что особенно сказалось въ поддержкѣ казачествомъ именно Михаила Феодоровича Романова, представителя среднихъ слоевъ народа къ ко-

торымъ, а не къ родовитому боярству, и должно было перейти руководство дальнѣйшей политической жизнью государства.

Соборъ, избравшій Романова, былъ многолюднымъ и достаточно полнымъ. На избирательной грамотѣ Михаила Феодоровича, написанной лѣтомъ, 1613 г. имѣется 277 подписей; но въ дѣйствительности на Соборѣ въ моментъ избранія было гораздо больше избирателей; такъ напримѣръ, за Нижній Новгородъ на грамотѣ подписалось лѣтомъ 1613 г. только 4 человекъ, а въ дѣйствительности ихъ было 19: 3 священника, 1 дьяконъ, 13 посадскихъ и 2 стрѣльца. Въ Соборѣ участвовало 50 городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ тотъ же Нижній, прислалъ больше назначенныхъ 10 представителей. Изъ 277 подписей на грамотѣ 57 принадлежатъ духовенству, 136 служилымъ чинамъ, въ томъ числѣ боярамъ только 17; городскимъ выборнымъ 84. Изъ провинціальныхъ выборныхъ на Соборѣ были и представители крестьянъ государственныхъ (черныхъ земель) и мелкихъ служащихъ. Выборная кампанія была бурная пока не достигли 7 февраля соглашенія. «Многіе же отъ вельможъ, желающіе царемъ быти, — пишетъ лѣтописецъ — подкупахуся многимъ и даючи и обѣщаючи многіе дары». Въ числѣ кандидатовъ были Шуйскій, Воротынскій, Трубецкой, Пожарскій, котораго современники обвиняли въ томъ, что онъ на подкупы потратилъ до 20 тысячъ рублей, сумма, которая едва-ли была тогда даже въ казнѣ государевой. За Романова особенно стоялъ Ф. И. Шереметевъ, который, будто-бы, въ перепискѣ съ В. В. Голицынымъ писалъ: «выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ (боярамъ) будетъ поваденъ». Но кандидатура Романова выставлялась, какъ извѣстно, уже давно. Еще при избраніи Годунова Романовы были его возможными соперниками. Въ 1610 г. при избраніи Владислава, и Гермогенъ, и народъ говорили о Михаилѣ Романовѣ. Общій характеръ предвыборной борьбы былъ, повидимому, таковъ, что противъ Романова были голоса главнымъ образомъ изъ верховъ боярства, средніе же и низшіе слои, въ томъ числѣ и

казачество, держались Романова. На Соборѣ права Михаила на избраніе объяснялъ, между прочимъ, «славнаго Дону атаманъ».

Соборъ, избравшій Михаила Феодоровича, остался и послѣ избранія въ качествѣ совѣщательнаго и частью законодательнаго органа при Царѣ. Въ періодъ Смуты практика выборнаго представительства примѣнялась такъ часто, что Соборы стали явленіемъ привычнымъ, да въ обстановкѣ Смуты и практически цѣлесообразнымъ. Положеніе молодого Царя изъ новой династіи, когда нужно выполнять существеннѣйшую, труднѣйшую и сложнѣйшую государственную задачу *ликвидацию Смуты* дѣлало Соборъ при немъ безусловно необходимымъ и желательнымъ въ интересахъ, между прочимъ, и охраненія престижа Верховной Власти. Формальныхъ ограниченій власти Михаила Феодоровича ни при избраніи, ни въ дѣльнѣйшей совѣщательно-законодательной работѣ Собора при Царѣ, не было. Отдѣльные выдающіеся члены Собора, конечно, могли имѣть вліяніе на Царя; но большее вліяніе имѣли, повидимому, близкіе при Царѣ люди, не изъ среды Собора. То, что говорилось объ «ограниченіи самодержавія» при избраніи Михаила Феодоровича впослѣдствіи, у историковъ XVIII ст., наприм., у Татищева и у иностранцевъ, документально не подтверждено, и скорѣе отражаетъ настроенія и мысли «верховниковъ», которые, послѣ учрежденія въ 1721 г. Верховнаго Тайнаго Совѣта пытались въ 1730 г. и формально ограничить самодержавіе, чѣмъ дѣйствительность 1613 г. и первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Феодоровича, когда «верховное» боярство было совершенно обезсилено и дискредитировано Смутой, въ которой боярство упорно держалось не національной и не государственной политики. Соборъ же, отражавшій теченія, противныя высшему боярству, всецѣло поддерживавшій «своего» избранника, конечно, не могъ вступить на путь, угодный тогда прежде всего и больше всего высшему боярству. Средній служилый классъ — тогдашнее дворянство больше всего было заинтересовано своими хозяйственными, экономическими вопро-

сами, и прежде всего закрѣпленіемъ рабочей силы на своихъ помѣстьяхъ. Демократическій авторъ псковскаго сказанія «о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастяхъ» такъ, между прочимъ, говоритъ о первыхъ годахъ царствованія молодого, а потому не имѣвшаго «еще толико разума, еже управлять землею», Михаила Феодоровича: «Не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ дьяволъ, возыся паки владущихъ на мздоиманіе». Владущіе снова стали кабалить себѣ народъ «емлюще въ работу сильно собѣ» трудовое населеніе возвращавшееся изъ плѣна и бѣговъ. Владущіе забыли уже «безвременіе», когда «отъ своихъ рабъ разорени быша». Не боясь Царя, владущіе «его царьска села себѣ поимаша, яко земскія книги приписанія въ разореніе погибоша», хотя дворцовыя села въ дѣйствительности расхищались во время Смуты, а съ избраніемъ Царя они быстро стали возвращаться во дворецъ. Дворянство по отношенію къ бѣглымъ крестьянамъ и холопамъ было также немолимо, какъ и на соборѣ въ первомъ ополченіи, при Ляпуновѣ. Защита и своихъ классовыхъ интересовъ была основной чертой въ политикѣ средняго служилаго дворянскаго класса и при Смутѣ, и послѣ ея завершенія. Но «ограничивать самодержавіе» для этого ему было не нужно. Оно, вышедшее изъ его собственной среды, выполнѣ егѣ отражавшее, и само стояло на такихъ же экономическихъ позиціяхъ. Эти позиціи въ то время были не только классовыми, но и *государственными*: едва-ли можно себѣ представить другой конкретный, практически осуществимый строй политики экономическихъ отношеній въ то время, кромѣ военно-помѣстнаго, который могъ бы гарантировать тотъ процессъ національно-территоріальнаго и государственнаго объединенія, который представлялъ основной смыслъ роста и укрѣпленія самодержавія. Одно изъ двухъ: или этотъ процессъ не былъ нуженъ, не былъ выгоденъ для всѣхъ слоевъ народа, въ томъ числѣ и для егѣ земледѣльческо-трудовыхъ массъ — и тогда незачѣмъ было государству накапливать и расширять свою военную силу, свой служилый — впоследствии дворянскій — классъ, быв-

шій реальнымъ средствомъ созданія централизованнаго государства; или этотъ процессъ былъ нуженъ и выгоденъ для всего народа, — и тогда необходимо было мириться съ ростомъ помѣстно-служилаго, т. е. дворянскаго класса — по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока этотъ государственный процессъ не закончился. Въ первомъ случаѣ «свободно-земледѣльческій» социально-экономическій укладъ Русской Земли безконечно дольше держалъ бы ее на уровнѣ, близкомъ къ уровню удѣльнаго періода; владычество татаръ продолжалось бы гораздо дольше; западные сосѣди — Польша, Литва, нѣмцы и шведы — легче раздробили бы Русскую Землю на части, включивъ ихъ въ свои государственныйя территории, — въ результатѣ чего и «свободно-земледѣльческій» укладъ все равно былъ бы прекращенъ и ассимилировался бы съ социально-экономическимъ укладомъ этихъ сосѣдей. Во второмъ случаѣ, — въ виду отсутствія другихъ путей содержанія служилой-военной силы, при господствѣ примитивно-натуральнаго хозяйства, — развитіе помѣстнаго класса было неизбежно, какъ неизбежна была и та форма защиты «классовыхъ» интересовъ служилаго-военнаго слоя, на которой онъ настаивалъ, т. е. форма трудового, — но тогда еще не личнаго — «прикрѣпленія» земледѣльческаго слоя къ землѣ. Другой — практически осуществимой — формы, до сколько-нибудь достаточнаго развитія денежнаго хозяйства, въ дѣйствительности не было. Поэтому само Государство, т. е. и его Верховная Власть, защищая интересы развитія государства же, должно было быть солидарнымъ — и въ классовомъ смыслѣ — съ тѣмъ политическимъ слоемъ, который являлся реальной опорой, реальной — военной — силой, безъ которой существованіе государства было невозможно. Конечно, этотъ укладъ, эти соотношенія социальныхъ слоевъ и силъ, — условны съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ, подчиняются эволюціи. Моменты переходовъ и переломовъ въ этихъ отношеніяхъ знаменовались извѣстными внѣшними явленіями въ социальной и политической жизни государства и влекли за собой — обычно не безъ борь-

бы, иногда острой, болѣе или менѣе революціонной — измѣненія и въ самомъ укладѣ, въ социальнo-экономическихъ, классовыхъ отношеніяхъ.

Новая русская Монархія, созданная народомъ, поборовшимъ Смуту въ 1613 г. — была народной, національной Монархіей, опираясь на наиболѣе активный слой народа — военно-дворянскій и казачій; отвѣчала интересамъ и городского активного слоя — купечества; не противорѣчила — не смотря на то, что — политически — она была «дворянской» — и интересамъ сельскаго земледѣльческаго населенія, для котораго военно-помѣстная, дворянская Монархія являлась надежнѣйшимъ реальнымъ средствомъ государственной защиты и внутренняго порядка, безъ чего положеніе земледѣльческаго класса было бы, несомнѣнно, гораздо хуже; примиряла поэтому земледѣльческія массы съ социальнымъ неравенствомъ и даже съ экономическимъ гнетомъ со стороны помѣстнаго класса, боровшагося сперва за установленную оплату своего военного труда, а впослѣдствіи — по социальной инерціи — и просто какъ классъ, за свои интересы. Земледѣльческія массы, какъ и весь народъ, не видѣли другого государственнаго, политическаго уклада, который въ такой же, или въ большей мѣрѣ, гарантировалъ бы общегосударственные и общенародные — внутренніе и внѣшніе интересы, — а потому и поддерживалъ Монархію и Династію въ теченіе столѣтій. Объ этой «поддержкѣ» Монархіи, и при томъ самодержавной, неограниченной — до начала новой, современной Смуты въ русской исторіи, достигшей размѣровъ кровавѣйшей и разрушительнѣйшей во всей міровой исторіи революціи 1917-1922 г., — говорить какъ внѣшній ходъ и ростъ Россійскаго Государства при Самодержавныхъ Царяхъ, такъ и та идеализація Царской Власти, которая такъ характерна для политическихъ настроеній и чувствъ массъ русскаго народа — до начала нынѣшней Смуты. Въ среднихъ и высшихъ слояхъ русскаго народа, болѣе сознательно поддерживавшихъ въ теченіе тѣхъ же столѣтій особенно внѣшнюю, *великодержавную* политику Самодержавія, созда-

лась не только идеализація, но и идеологія Царской Власти, ведущая свое начало еще со временъ первыхъ Московскихъ Царей — Ивана III, Василя III и Ивана Грознаго, когда начали зрѣть идеи русскаго панславизма; когда Москва стала называться «третьимъ Римомъ», — хранителемъ Православія, истиннаго Христіанства во всемъ мірѣ — послѣ паденія Константинополя въ 1453 г.; когда «Царь Русскій» становился «Царемъ всѣхъ православныхъ христіанъ» и на русское Самодержавіе постепенно возлагалось міровое мессіанство — по защитѣ Православія и Славянства. Все это ясно говорило о глубоко *національномъ* значеніи и происхожденіи русской Монархіи и ея Самодержавнаго характера, какъ символа единой, централизованной и сильной государственной власти, наиболѣе отвѣчавшей и реальнымъ интересамъ — прежде всего — низовыхъ народныхъ массъ, такъ какъ возможныя — въ тѣ времена — политическія ограниченія Самодержавія неизбѣжно носили бы аристократическій, вѣрнѣе даже — просто олигархическій характеръ, и были бы только во вредъ интересамъ низовыхъ массъ. Отсюда такая длительная — и реальная, и идеологическая прочность Самодержавной Монархіи въ Россіи — по меньшей мѣрѣ до великой реформы Александра II — Освобожденія крестьянъ.

IV.

Вышедшая изъ Смуты — въ окрѣпшемъ и утвердившемся, выкристаллизовавшемся состояніи — Монархія неизмѣнно продолжала развиваться въ томъ же самой исторіей намѣченномъ направленіи — единовластія, самодержавія и централизаціи. Такому развитію Монархіи не помѣшали даже неблагопріятныя династическія условія: весьма часто — молодость, юность, даже дѣтство вступавшихъ на престолъ Монарховъ; почти постоянная борьба ближайшихъ къ трону круговъ за власть и вліяніе; воцареніе женщинъ, сопровождавшееся дворцовыми переворотами и фаворитизмомъ, и т. д. Монархія и при томъ именно — Самодержавная, не-

уклонно развивалась, укрѣплялась, къ началу XIX в. достигла своего апогея, поставивъ Россію на высоту внѣшняго могущества и обезпечивъ ея внутренній — народно-хозяйственный и культурный ростъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, какая оказалась возможной при огромной затратѣ силъ и средствъ на ея внѣшнее — великодержавное государственное развитіе. Россія при Самодержавіи достигла своихъ естественныхъ границъ, отвѣчавшихъ интересамъ и стремленіямъ быстро раз-вертывавшаго свои силы — и свою тенденцію къ широкой колонизаціи — русскаго народа. Какъ ни дорого стоили народу войны, неизбѣжныя при этомъ процессѣ «территоріальнаго самоопредѣленія» народа и государства, народъ мирился съ этими жертвами и поддерживалъ ту государственную власть, которая вела такую «великодержавную» политику. А эта власть — была Самодержавная Монархія. Опорой ея былъ военный, сначала помѣстно-служилый, а потомъ помѣстно-сословный, привилегированный классъ. Но и это — социальное острое — обстоятельство не колебало общенародной, національной поддержки Самодержавной Монархіи, пока она выполняла національно оправдываемую, историческую государственную задачу. И только, когда эта задача была достигнута, постепенно начался процессъ перергруппировки социальныхъ силъ, на которыя могла и должна была опираться государственная власть, чтобы дальнѣйшее историческое развитіе Россіи шло въ условіяхъ той же общенародной, національной поддержки власти, какой несомнѣнно сопровождалось это развитіе — въ общихъ и основныхъ чертахъ и моментахъ — при Самодержавной Монархіи до начала XIX вѣка.

Конечно, это была *политическая* государственная солидарность народа съ верховной властью, вполне возможная и при наличіи даже болѣе или менѣе острыхъ социальныхъ противорѣчій внутри народа, между его различными слоями или классами. Никогда, ни при какомъ политическомъ строѣ, ни при какихъ историческихъ условіяхъ государства не жили, не развивались при *абсолютной*, идеальной солидарности социаль-

ныхъ слоевъ. И когда мы говоримъ о солидарности народныхъ массъ съ верховной властью, мы разумѣемъ, конечно, лишь политическую солидарность и лишь въ извѣстной, практически опредѣленной мѣрѣ, выявляющейся въ доступныхъ историческому констатированію дѣйствіяхъ государственной власти и результатахъ этихъ дѣйствій. Если Самодержавная Монархія въ Россіи, при томъ съ непрерывнымъ царствованіемъ одной и той же династіи, просуществовала три столѣтія; если государство при этомъ совершило огромную, колоссальную работу объединенія, централизаціи и накопленія силъ и средствъ — для дальнѣйшей исторической жизни народа, это — совершенно объективный логически неопровержимый аргументъ политической солидарности народа съ Монархіей, — каковы бы ни были при этомъ проявленія соціальной борьбы въ самомъ народѣ, каковы бы ни были даже отдѣльные эксцессы и проявленія противъ индивидуальныхъ представителей Самодержавной Власти, исходившіе изъ тѣхъ или другихъ слоевъ и группъ народа. *Историческая* оцѣнка явленій государственной жизни можетъ и должна исходить изъ конечныхъ результатовъ, но не изъ отдѣльныхъ эпизодовъ и проявленій. Поэтому, когда намъ говорить, что недовольство народныхъ массъ противъ государственнаго строя при Самодержавной Монархіи, начавшееся, даже рѣзко проявлявшееся въ бунтахъ, а потомъ и въ широкихъ низовыхъ движеніяхъ, по меньшей мѣрѣ съ царствованія Алексѣя Михайловича — бунтъ въ Новгородѣ, въ Псковѣ, движеніе Стеньки Разина, — въ 1670-1671 г.; не прекращавшееся и дальше, прорвавшись въ еще болѣе серьезномъ низовомъ движеніи Пугачева — въ 1773-74 г., — что это недовольство низовыхъ массъ народа не говоритъ о политической солидарности массъ съ Верховной Властью, — мы не считаемъ такого утвержденія доказательнымъ: эти явленія вполне убѣдительно говорятъ лишь о *соціальномъ* недовольствѣ и броженіи въ низахъ, но совершенно не говорятъ о недовольствѣ и броженіи политическомъ. Напротивъ, мы знаемъ, что и Болотниковъ и Разинъ,

и Пугачевъ шли «за Царя», но противъ «бояръ», т. е. что въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ, вѣрнѣе — ощущеніяхъ, принципъ единой, сильной власти, т. е. власти Самодержавной, стоялъ такъ же твердо и опредѣленно, какъ и въ воззрѣніяхъ самой официальной, государственной власти. *Политически* — народъ и Власть, слѣдовательно, были солидарны; *соціально*, можетъ быть, въ извѣстные моменты и въ извѣстномъ смыслѣ эта солидарность была слабѣе, неустойчивѣе, вѣрнѣе — въ этомъ отношеніи Власть вынуждена была лавировать между массами и верхами, являвшимися ближайшей, непосредственной опорой власти, — вынуждена была сама переживать извѣстный процессъ перестройки, въ полномъ соотвѣтствіи съ процессомъ эволюціи соціальныхъ отношеній, становясь постепенно на сторону массъ, на сторону тѣхъ соціальныхъ силъ и слоевъ, которые накопляли въ себѣ большее государственное значеніе и вліяніе. Но этотъ процессъ нисколько не нарушалъ принципа и факта политической солидарности народа съ Верховной Властью. Эта солидарность Самодержавной Монархіи съ Народомъ была, оставалась нерушимой, обуславливая нерушимость самого государства. Эта же солидарность должна была — на извѣстной ступени эволюціоннаго процесса — подсказать Самодержавной Монархіи необходимость, неизбѣжность и обязательность — въ интересахъ Государства — извѣстныхъ преобразованій какъ соціальныхъ, такъ и политическихъ, извѣстной эволюціи и самой формы верховной власти. Въ извѣстный моментъ этого процесса политическая форма Самодержавія должна была измѣниться, главнымъ образомъ — въ соотвѣтствіи съ соціальными измѣненіями, назрѣвшими въ процессѣ соціальной эволюціи. Измѣнялись постепенно, измѣнились, наконецъ, въ достаточно опредѣленномъ видѣ соціальные слои, на которые должна была опереться Верховная Власть, и форма этой власти могла и должна была измѣниться примѣнительно къ политическому характеру этихъ слоевъ. Но это, конечно, совершенно еще не значитъ, что и *сущность*, содержаніе Верховной Власти непременно дол-

жны были стать другими. Нѣтъ ничего невозможнаго, нелогичнаго, противоестественнаго, если и новые соціальные слои, ставши наиболѣе реальной опорой Верховной Власти, обнаружатъ тяготѣніе къ признанію принципа единовластія и централизаціи въ верховномъ управленіи государствомъ. Процессъ политическаго выявленія этихъ новыхъ соціальныхъ слоевъ, на которые должна опираться Верховная Власть, еще не законченъ; не выясненной поэтому еще остается и форма измѣненій этой Власти въ соотвѣтствіи съ новыми условіями. Сейчасъ, т. е. по меньшей мѣрѣ съ 19 февраля 1861 года, Россія переживаетъ новое Смутное время, съ его самымъ острымъ моментомъ — нынѣшнимъ большевизмомъ и его «воровской» властью, поддерживаемой темными международными силами и условіями. Близится часть, когда — какъ въ февралѣ 1613 года — народъ и исторія найдутъ выходъ изъ Смуты, найдутъ силы и средства дать успокоеніе государству, и наступитъ снова періодъ возстановленія, возрожденія, мирнаго труда и творчества народа, роста силы и могущества Государства. Но этотъ часъ только близится, но еще не наступилъ. Какую форму Государства и его Верховной Власти дастъ эта часть, покажетъ исторія. Мы же можемъ угадывать эту форму лишь на основаніи анализа прошлаго, анализа того процесса, который отъ одной Смуты привелъ Россію къ другой Смутѣ, еще не завершенной.

Исходнымъ моментомъ и источникомъ Смуты XVII вѣка была неизбежность процесса смѣны преобладавшаго въ политическихъ верхахъ слоя *боярства* — слоемъ новымъ; создавшимся и окрѣпшимъ, слоемъ служилаго *дворянства*. Борьба шла тогда между боярствомъ и дворянствомъ. Верховная власть естественно стала на сторону дворянства, такъ какъ этотъ слой сильнѣе и ярче отражалъ націю, являлся болѣе прочной реальной силой, на которую могла бы опереться государственная власть. Боярство стояло за свои родовыя привиллегіи; дворянство боролось противъ этихъ привиллегій, подсказывало государственной власти необходимость ограниченія этихъ привиллегій — въ интере-

сахъ болѣе сильнаго и болѣе быстрого роста Государства. Сила государства органически порождаетъ и укрѣпляетъ силу его Верховной Власти. Послѣдней по-этому — никогда, ни при какихъ условіяхъ — не можетъ быть органически присуща тенденція къ ослабленію силы государства, тенденція къ такой политикѣ, какая явно и завѣдомо вела бы къ ослабленію государства, т. е. была бы политически реакціонной. Реакціонность политики Верховной Власти всегда — въ существѣ — имѣетъ своимъ источникомъ вліяніе на эту Власть отживающихъ политическихъ слоевъ, не могущихъ или не умѣющихъ подняться до высоты отреченія отъ узко-слоевыхъ интересовъ — въ интересахъ дѣйствительно государственныхъ. Извѣстная социальная инерція, владѣющая массой отдѣльныхъ слоевъ, содѣйствуетъ такой реакціонности. Но отождествлять Верховную Власть *государства* съ отдѣльными социальными слоями, даже съ тѣми, на которые она фактически больше всего опирается, — явно ошибочно: Верховная Власть больше заинтересована въ ростѣ и силѣ *государства*, но не отдѣльныхъ слоевъ народа. Вотъ почему мы постоянно и неизмѣнно наблюдаемъ процессъ *расхожденія* Верховной Власти съ тѣми слоями, при поддержкѣ которыхъ она въ свое время утверждалась и развивала свою силу, но социально-политическая инерція, т. е. при извѣстныхъ условіяхъ и реакціонность которыхъ становится уже не соотвѣтствующей интересамъ государства, а потому и интересамъ самой Верховной Власти. Мы это ясно видимъ въ періодъ Смуты XVII вѣка, когда Царская власть опредѣленно пошла противъ верховнаго боярства, противъ боярской родовитой олигархіи. Мы ясно видимъ при этомъ дружную поддержку Верховной Власти со стороны новаго социального слоя — среднего боярства, дворянства, служилыхъ людей и людей посадскихъ и тяглыхъ, т. е. — политически — со стороны «народа». И только при этомъ условіи новая форма Верховной Власти — Самодержавная Монархія — держится въ государствѣ въ теченіе трехъ столѣтій.

Но социальная эволюція съ одной стороны, социальная инерція — съ другой стороны продолжаютъ проявлять

свое дѣйствіе и въ эти три столѣтія жизни государства при Самодержавной Монархіи. Никакая, самая рѣшительная революція не уничтожаетъ вполне стараго и не создаетъ фактически ничего новаго. Старые силы, формы, факторы остаются и лишь видоизмѣняются, приспособляются, распредѣляются иначе — въ соотвѣтствіи съ выдвигающимися новыми силами, формами и факторами. Даже терроръ Ивана Грознаго и его систематическая опричнина не могли уничтожить ни боярства, ни тѣхъ понятій и тенденцій, которыя составляли сущность боярскаго періода нашей исторіи. Эти понятія и тенденции незамѣтно, но неизбѣжно остались жить и дѣйствовать не только въ уцѣлѣвшихъ личныхъ остаткахъ боярства, но и въ тѣхъ *среднихъ* — боярскихъ, дворянскихъ и служилыхъ — слояхъ, которые — политически — вытѣснили и смѣнили боярство. *Средніе* и *служилые* слои постепенно и неизбѣжно превращались въ слои *верхніе* и *привилегированные*. Политическая, государственная *служба* постепенно замѣнялась исключительнымъ *правомъ* и преимуществомъ — родовымъ, сословнымъ, классовымъ. Развивается социальная, а съ ней и политическая инерція. Дворянство повторяетъ путь боярства. Въ верхахъ дворянства, какъ раньше въ верхахъ боярства, возникаетъ тенденція «ограничить самодержавіе», — и снова не на общегосударственныхъ, а прежде всего — на слоевыхъ, классовыхъ основаніяхъ. Верховная Власть снова борется противъ этихъ «ограничительныхъ» тенденцій, снова ищетъ тѣ социальные слои, которые являлись бы болѣе надежной опорой Власти; хочетъ видѣть эти слои — въ служилой «бюрократіи»; на нѣкоторое время, можетъ быть, даже и находить въ ней эту опору; чувствуетъ однако, что это опора не органическая, не социальная, и потому — не прочная, не длительная; при Александрѣ II, наконецъ, намѣченъ болѣе вѣрный, болѣе органическій, истинно государственный путь — создается огромный социальный классъ свободныхъ крестьянъ, мелко земледѣльческій и землевладѣльческій классъ, который въ соединеніи съ городскимъ, мелко и средне-буржуазнымъ классомъ можетъ уже составить и болѣе или менѣе активный въ по-

литическомъ смыслѣ слой, на который можетъ опереться Государственная Власть въ своей творческой работѣ по усиленію роста государства. Но этотъ моментъ въ то же время является и моментомъ внутреннихъ, весьма сложныхъ политическихъ треній, борьбы и домогательствъ. Начинается Смута XX вѣка. Неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, гораздо болѣе сложные и трудныя, чѣмъ Ливонская война Ивана Грознаго — міровая война, въ которую Россія — такъ неосторожно бросаетъ уже не десятки тысячъ, а многіе миллионы русскаго народа, налагая тѣмъ самымъ на себя и гигантскія матеріальныя жертвы, экономически обезсиливаящія Россію, а психологически создающія неустойчивую атмосферу... Въ этой атмосферѣ давнишнія политическія тренія, борьба и домогательства Смуты XX вѣка, направляемыя могущественными внѣшними вліяніями и воздѣйствіями, прорываются въ формѣ революціи 1917 года, доведшей Россію до такого паденія, какого не знала она и въ самые тяжелые моменты Смуты XVII вѣка.

Смута конца XIX — начала XX вѣка безконечно грандіознѣе и сложнѣе Смуты конца XVI — начала XVII вѣка, соотвѣтственно безконечно болѣе сложной структурѣ и величинѣ Государства, безконечно болѣе сложнымъ международнымъ отношеніямъ Россіи, безконечно болѣе сложнымъ и труднымъ условіямъ міровой войны, явившейся ближайшимъ источникомъ революціи 1917 г. — этого кульминаціоннаго пункта нынѣшней Смуты. Но тотъ внутренній, органическій первоисточникъ Смуты XX вѣка, къ которому неизбѣжно приводитъ историческій анализъ, и здѣсь, какъ и въ Смутѣ XVII вѣка, коренится въ неизбѣжности процесса соціальной перегруппировки силъ, на которыя должна опираться Верховная Власть государства. Разница — однако — громадная: тогда, при Иванѣ Грозномъ, Верховная Власть въ рѣшительный моментъ направила этотъ процессъ путемъ крутого, террористическаго вмѣшательства — опричины, внесши, такимъ образомъ, элементъ революціи «сверху»; теперь при Александрѣ II — въ столь же рѣшительный моментъ процесса, Верховная Власть напри-

вила этотъ процессъ на глубоко правильный, эволюціонный путь, безъ крови, безъ элементовъ революціи, сразу опредѣливши путь нормальнаго соціальнаго соглашенія и согласованія тѣхъ силъ, на которыя должна опираться Государственная Власть. Самый рѣшительный моментъ нынѣшней Смуты, съ такой, *исторической* точки зрѣнія — былъ именно тогда, въ февралѣ 1861 года, а не теперь, когда силы *антигосударственные*, — а не прогрессивныя, или реакціонныя по своему государственному характеру и значенію, — довели борьбу до самаго остраго момента — до революціи 1917 года и до большевизма. Такихъ — *антигосударственныхъ* — силъ Смута XVII вѣка совершенно не знала. Тогда были силы государственно отживавшія боярскія, и силы государственно новыя, свѣжія, прогрессивныя — «дворянскія», т. е. силы средне-сloевыя и отчасти низовыя, стоявшія и тѣ и другія — безусловно на государственной точкѣ зрѣнія, на защитѣ единой, крѣпкой, національной государственности. Даже Болотниковъ съ его бѣглецами, холопами и гулящими людьми стоялъ все же «за Царя», т. е. за единую государственную власть. Въ нынѣшнюю же Смуту Болотниковы приняли обликъ и программу революціоннаго *соціализма*, въ конечномъ своемъ развитіи и выраженіи въ корнѣ отрицающаго *государство*, а потому — съ политической точки зрѣнія — *антигосударственнаго*. Подъ знаменемъ революціоннаго соціализма собираются элементы и силы антигосударственные, и сама революція, осложнившая Смуту XX вѣка, является движеніемъ антигосударственнымъ, а не политически прогрессивнымъ. Въ этомъ коренное глубочайшее различіе нынѣшней Смуты и революціи — отъ Смутнаго Времени.

Далѣе, тогда и внѣшнія, династическія затрудненія имѣли совершенно другой характеръ. Хотя косвенно и въ связи со Смутой, но тогда Царскій родъ дѣйствительно прекратился, и это вызвало наиболѣе острый внѣшній моментъ въ развитіи Смуты — поиски народа за новымъ персональнымъ воплощеніемъ Верховной Власти, за новой Династіей. Въ нынѣшнюю Смуту —

осложнившее ее революціонное, соціалистическое, т. е. и антигосударственное теченіе, всѣ свои силы направило на борьбу съ существующей Династіей, на уничтоженіе ея, на разрушеніе «царизма», фактически же не только «царизма», какъ извѣстной формы государственной власти, но и самой государственности, самого государства. А тѣ общественные слои, которые стояли по существу лишь за эволюцію государственности, а не за ея разрушеніе; которые — какъ и въ Смутное Время — лишь искали какой-то новой перегруппировки соціаль-ныхъ силъ, претендовавшихъ стать ближайшей опорой государственности и государственной власти, и которые — въ дѣйствительности — получили уже начало эволюціоннаго удовлетворенія своимъ политическимъ стремленіямъ 19 февраля 1861 г. и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ «великихъ реформахъ» царствованія Александра II, и начало «революціоннаго» удовлетворенія своихъ политическихъ стремленій въ царствованіе Николая II — въ учрежденіи Государственной Думы, въ конституціонномъ измѣненіи формы Верховной Власти, — эти общественные слои, подпавъ подъ вліяніе соціалистически-революціоннаго теченія, т. е. по существу антигосударственнаго, сами стали игрушкою революціи, дошедшей до своего логическаго конца, до соціалистическаго большевизма, до власти «интернаціонала», враждебнаго всякой государственности, всякой государственной власти, а *національной* тѣмъ болѣе. Тѣ новые соціальные слои, на которые исторія уже сама возлагала почетную, прогрессивную, глубоко-государственную задачу — усилить государство и его власть своими новыми, свѣжими силами, сами оказались въ рядахъ силъ, принципиально стремившихся разрушить государство и государственность. Только теперь, увидѣвши реальные результаты «соціальной» революціи, эти соціальные слои начинаютъ понимать и свою глубоко-печальную и не соответствующую ихъ собственнымъ политическимъ стремленіямъ и интересамъ роль въ этой революціи. Только теперь должно начаться политическое отрезвленіе этихъ — новыхъ *среднихъ* — слоевъ, призванныхъ исторіей смѣ-

нить или видоизмѣнить политическую роль тѣхъ когда-то «среднихъ» слоевъ, которые — политически — смѣнили или видоизмѣнили политическую роль боярства — въ Смуту XVII вѣка. Только теперь, когда эти новые средніе слои рѣшительно порвутъ съ социалистической революціей, нынѣшняя Смута завершить свой циклъ, и Государство и его Верховная Власть, нашедши твердую опору въ этихъ новыхъ среднихъ социальныхъ слояхъ, снова возродится и укрѣпится къ дальнѣйшей творческой исторической работѣ.

Каково же историческое содержаніе того процесса перегруппировки социальныхъ силъ, являющихся ближайшей опорой государственной власти, назрѣваніе и завершеніе котораго внѣшне проявилось въ Смутѣ XX вѣка? Конечно, это содержаніе ни въ коемъ случаѣ не заключается въ стремленіи «ограничить Самодержавіе», какъ твердила и, можетъ быть, еще отчасти продолжаетъ твердить наша «прогрессивная» политическая мысль, подчиняясь формализму и шаблонамъ мысли революціонной, социалистической, антигосударственной. Какъ въ Смуту XVII вѣка «ограниченіе Самодержавія» не являлось цѣлью новыхъ политическихъ слоевъ, ставшихъ ближайшей опорой Власти, такъ и въ нынѣшнюю Смуту не «ограниченіе Самодержавія» является реальной цѣлью социально-политической перегруппировки силъ, а лишь смѣна самихъ силъ — въ цѣляхъ дальнѣйшаго усиленія Государства и — слѣдовательно — и Верховной Власти. Быть ли «соборному началу» постоянной или временной формой содѣйствія Верховной Власти въ дѣлѣ усиленія Государства, это — только вопросъ формы, а не существа. Въ 1613 г. это «соборное начало» явилось не постоянной формой содѣйствія народа Государству и его Власти. Только до 1622 г. Земскій соборъ былъ постояннымъ учрежденіемъ. Въ дальнѣйшемъ онъ созывался по мѣрѣ надобности; а съ 1653 г. Соборы и совѣмъ не собирались. И это было не потому, что окрѣпшее Самодержавіе «задушило» соборное начало, а потому, что само соборное начало являлось только средствомъ къ укрѣпленію Монархіи, какъ формы централизованной, самодержавной государственной власти, наиболѣе отвѣчав-

шей — въ тотъ періодъ русской исторіи — интересамъ государства, интересамъ соціальныхъ слоевъ, его наиболѣе активно поддерживавшихъ, интересамъ и всего народа. Только соціальнымъ верхамъ, вновь окрѣпшимъ или вновь народившимся это «ограниченіе самодержавія» могло быть или казаться интереснымъ, желательнымъ, какъ это было и въ эпоху Смутаго Времени. Только эти верхи и въ эпоху окрѣпшей Монархіи пытались «ограничить Самодержавіе». Такова была попытка «верховниковъ» въ 1730 г. при воцареніи Анны Іоанновны, когда членъ учрежденнаго въ 1726 г. при Екатеринѣ I «Верховнаго Тайнаго Совѣта» князь Голицынъ предложилъ «пункты», фактически отдававшіе верховную власть въ государствѣ въ руки Тайнаго Совѣта, который «содержать всегда въ 8 персонѣхъ», а право «жаловать въ придворные и генеральскіе чины» — тоже предоставить только Верховному Тайному Совѣту. Понятно, что рядовое дворянство, тогда еще остававшейся *служилой* силой Государства и ближайшей соціальной опорой государственной власти, съ возмущеніемъ отвергло эту попытку и дало возможность Аннѣ Іоанновнѣ «разорвать» пункты чуть не въ самый день вступленія на престолъ. Такой же «верховный» характеръ носили и дальнѣйшія попытки «ограниченія Самодержавія», вплоть до «декабристовъ» 1825 г., когда въ роли старыхъ «верховниковъ» фигурировали уже верхи дворянства, успѣвавшего изъ служилаго слоя превратиться въ сословно-привилегированный классъ. Съ государственной — а не классовой, сословной или слоевой — точки зрѣнія — Верховная Власть, въ интересахъ усиленія государства и при условіи усиленія государства, всегда требуетъ усиленія, а не ограниченія. Но формы этого усиленія — совершенно безразличны: если историческій моментъ подсказываетъ единовластіе, торжествуетъ — въ интересахъ государства и при естественной свободной поддержкѣ народа — Самодержавіе; если историческій моментъ подсказываетъ усиленіе соборной, теперь — конституціонной, народнопредставительной формы содѣйствія Верховной Власти въ работѣ по усиленію государ-

ства, пусть будетъ эта форма, — поскольку и до тѣхъ поръ, пока именно она способствуетъ усиленію государства, а слѣдовательно — и усиленію Верховной Власти Государства. Но если и «парламентаризмъ» начинаетъ переживать «кризисъ», т. е. исторически не оправдывается, то онъ, какъ одна изъ формъ поддержки социальныхъ слоевъ государству и его Власти, и можетъ и долженъ будетъ замѣниться или какой-то новой формой, или уступить свое мѣсто старой, исторически испытанной формѣ — единовластія, Самодержавія. Соціальнымъ слоямъ, народу важна не *форма*, а существо, т. е. реальные результаты функционированія той или другой формы государственности. Рано или поздно массовое, національное сознаніе приходитъ къ этому выводу, и самодержавіе можетъ притти на смѣну парламентаризму, хотя бы и въ формахъ другихъ, соотвѣтствующихъ новымъ социальнымъ отношеніямъ и условіямъ.

Историческимъ содержаніемъ процесса перегруппировки социальныхъ силъ и видоизмѣненія ихъ политическихъ стремленій — въ періодъ русской Самодержавной Монархіи, до 1861 года — было, во всякомъ случаѣ, не постепенное «ограниченіе Самодержавія», не борьба за политическую форму, а нѣчто болѣе глубокое, болѣе реальное. Этимъ содержаніемъ было глубокое, постепенное измѣненіе государственной и социальной роли того дворянства, тѣхъ среднихъ, служилыхъ слоевъ, на активной политической поддержкѣ которыхъ покоилась Самодержавная Монархія, росло, развивалось и крѣпло національное государство.

Въ основѣ помѣстного строя, въ началѣ его возникновенія, лежало весьма простое и совершенно справедливое социально-экономическое и государственное начало. Проф. Платоновъ формулируетъ это начало такими словами: «Крестьянинъ долженъ былъ служить дворянину, чтобы дворянинъ могъ исправно служить государству» (стр. 622). Государство не имѣло другихъ — денежныхъ — источниковъ вознагражденія служилаго — военного — сословія; оно вынуждено было вознаграждать и эту службу *натурой*, землей, продуктами труда

на ней тѣхъ, кто не служилъ непосредственно государству. Строй народнаго хозяйства былъ натуральный; натуральнымъ вынужденъ былъ быть и строй хозяйства государственнаго. Чѣмъ шире становились военныя потребности государства, тѣмъ многочисленнѣе становился служилый военный классъ вознаграждаемый натурой — помѣстьями, запасъ которыхъ — государственныхъ земель — при обширности территоріи и при рѣдкости населенія — былъ почти безграниченъ. Но земледѣльческое трудовое населеніе было весьма ограничено. Возникла борьба за рабочую силу, безъ которой помѣстья равно ничего не стоили, не могли обезпечить даже очень скромныхъ потребностей тогдашнихъ «помѣщиковъ» — служилыхъ, военныхъ людей. А служить они должны были безсрочно, всю жизнь, не имѣя возможности непосредственно работать и на своихъ помѣстьяхъ. Иные изъ этихъ «помѣщиковъ» предпочитали бросать свои помѣстья, — лишенные рабочихъ рукъ, — и уходили въ «холопы» т. е. поступали въ качествѣ рабочей земледѣльской силы въ болѣе сильныя, болѣе счастливыя помѣстья — болѣе обезпеченныя рабочей силой. Возникалъ совершенно неизбѣжный и справедливый *организационный* вопросъ: при какомъ количествѣ рабочихъ рукъ помѣстье можетъ считаться дѣйствительно помѣстьемъ, т. е. натуральной платой государства за военную службу «помѣщика», а служба помѣщика — для него обязательной. Уже при Михаилѣ Федоровичѣ — въ 1633 г. — даже «московскіе дворяне», т. е. высшій разрядъ дворянства, били челомъ, что на войну итти не могутъ: «у однихъ нѣтъ земель, а у другихъ и есть, да пусты — крестьянъ нѣтъ, а если и есть, то 3-4 или 6 душъ всего, а этого для службы слишкомъ мало». Правительство рѣшило, что «служить помѣщикъ можетъ только съ 15 крестьянъ». А на Соборѣ 1642 г. эти число самими дворянами опредѣляется не 15, а 50. Не удивительно, если борьба «за крестьянъ», за рабочую силу для помѣстій, т. е., если хотите, борьба за обезпеченіе и за повышеніе платы, жалованья за службу, такъ остро, такъ упорно проявляется у «дворянъ», т. е. у помѣстно-

военного слоя, еще въ періодъ Смуты. Продолжается она, конечно, и дальше. «Уложение» Царя Алексѣя Михайловича принятое Земскимъ Соборомъ 1648 г., касается и этого — остраго и насущнаго для государства — *земельнаго вопроса*, изъ-за котораго боролось прежде всего среднее, служилое, военное сословіе — дворянство. «Уложение» отмѣняетъ срокъ для права сыска бѣглыхъ крестьянъ, дѣлаетъ это право постояннымъ, т. е. фактически *окончательно прикрѣпляетъ крестьянъ къ землѣ* — въ удовлетвореніе требованій служилаго помѣстно-военнаго класса. Далѣе «Уложение» *запрещаетъ духовенству приобрѣтать вотчины*, — опять таки въ удовлетвореніе требованій того же служилаго, военнаго класса, экономическимъ интересамъ котораго конкуренція духовенства, особенно монастырей, имѣвшихъ право безграничнаго приобрѣтенія помѣстій и крестьянъ, являвшихся поэтому въ то время иногда крупнѣйшими и богатѣйшими помѣщиками, — весьма ощутительно вредила. Высшее духовенство являлось тогда поэтому крупно-землевладѣльческимъ и даже капиталистическимъ элементомъ, и какъ противъ таковаго — съ нимъ стало бороться среднее служилое дворянство. На земскихъ соборахъ это дворянство преобладало, и соборы выносили соотвѣтственныя постановленія. Верховная Власть, конечно становилась на сторону этого — средняго — класса, а не на сторону верховъ, какъ родовитыхъ, такъ и духовныхъ. Неудивительно поэтому, если и Патріархъ Никонъ оказался въ рѣзкой оппозиціи «Уложенію», называлъ его «проклятою и беззаконною книгою», такъ какъ — «отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ указъ тотъ же Патріарху — со стрѣльцомъ и мужикомъ». На такое уравниеніе Патріарха «со стрѣльцомъ и мужикомъ», а еще болѣе — за нарушеніе самыхъ существенныхъ имущественныхъ правъ духовенства, монастырей, за умаленіе или и полное уничтоженіе разныхъ другихъ, въ томъ числѣ — и судебныхъ, привилегій духовенства, — былъ рѣзко недоволенъ Никонъ, защищалъ интересы духовенства, не разъ просилъ Алексѣя Михайловича «отставить Уложение», но — не смотря на

огромное вліяніе Никона, Царь не могъ этого сдѣлать: интересы Государства, а слѣдовательно — интересы самой Верховной Власти, требовали стоять на сторонѣ среднихъ, особенно военныхъ дворянскихъ слоевъ, а не на сторонѣ верховъ. Государство, а съ нимъ и Верховная Власть, стояло на *болѣе демократической* позиціи, чѣмъ соціальныя верхи.

Служилое дворянство укрѣпило свое и соціальное, политическое положеніе вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ государства и Монархіи. Въ политическихъ интересахъ средняго дворянства, при Федорѣ Алексѣевичѣ — въ 1682 г. было уничтожено *мѣстничество* — этотъ остатокъ родовыхъ претензій высшаго боярства, ревниво не пускавшаго въ «разрядныя книги» неродовитыхъ дворянъ. Царь приказалъ сжечь разрядныя книги — и «отнынѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ». Неродовитое, рядовое, среднее дворянство побѣдило. *Выслуга*, личныя способности, служба государству — открывали ходъ въ верхи и рядовому дворянству. Это была — для того времени — весьма *демократическая* мѣра. А Петръ Великій пошелъ въ этомъ политическомъ демократизмѣ, т. е. въ признаніи *политическаго равенства* за всякимъ служащимъ государству гражданиномъ, независимо отъ «рода», отъ соціальной ступени, — еще дальше. Онъ выдвигаетъ на самыя высокія положенія въ государствѣ и не дворянъ, людей изъ низовъ: Меньшиковъ, ставшій княземъ и «первымъ лицомъ послѣ Государя»; Ягужинскій — ставшій генераль-прокуроромъ; Шафировъ — дипломатъ. А изъ дворянъ выдвигаетъ, конечно, не по «роду», а по заслугамъ. Изъ родового, средняго дворянства выдвинулись Апраксины, Толстые, Неплюевы и др. Но въ то же время — реальныя потребности государства, и его экономическія, финансовыя возможности, непрерывно и быстро растущія при Самодержавной Монархіи — заставляютъ Петра В. кореннымъ образомъ реформировать самый строй военной службы, а тѣмъ самымъ — и военного, служилаго — дворянскаго сословія. Вмѣсто прежнихъ «дворянскихъ ополченій», правда и раньше постепенно замѣнявшихся регулярными войсками по

иноземному образцу, окончательно вводится регулярная армія. Въ этой арміи служилые люди — дворяне — являются уже главнымъ образомъ только офицерами, хотя и проходятъ предварительно суровую школу солдата, и остаются потомъ, въ качествѣ офицеровъ, *обязательно* въ арміи безсрочно; ни одинъ деорянинъ, правда, не могъ попасть въ офицеры, не прошедши солдатскаго стола, но зато и всякій солдатъ — независимо отъ «рода» — попавши въ офицеры — становился дворяниномъ. Однако, окончательное превращеніе «дворянской» арміи — въ регулярную, конечно, явилось рѣшительнымъ моментомъ въ измѣненіи и социальнаго, и политическаго положенія дворянства въ государствѣ: вмѣсто прежняго *служилаго* класса дворянство становится просто *помѣстнымъ* классомъ, притомъ политически *привилегированнымъ*, такъ какъ изъ его среды пополняется и командный составъ арміи, и почти полностью — административныя должности въ государствѣ. Конечно, параллельно — съ исторической и съ жизненной неизбежностью — начинается и другой процессъ — процессъ народженія *новыхъ среднихъ социальныхъ слоевъ* — изъ низовъ. Государство не можетъ не быть *демократичнымъ* по самому существу своему: оно должно использовать всѣ силы, пригодныя для роста, для прогресса государства; оно не можетъ поэтому покоиться на классовомъ началѣ; оно не можетъ, тѣмъ болѣе, строиться на принципѣ привилегій, противъ которыхъ неизбежно порождается борьба тѣхъ, кто этихъ привилегій не имѣетъ; оно должно — и въ принципѣ, и въ практикѣ — признавать равенство гражданъ передъ государствомъ, т. е. быть демократичнымъ. Конечно, принципы никогда не осуществляются въ абсолютной полнотѣ и чистотѣ. Реальная жизнь — неизбежная борьба интересовъ, и лишь въ этой борьбѣ вырабатывается какая-то *равнобѣйствующая сила*, отвѣчающая ихъ соотношенію въ данный моментъ и соотвѣтственно окрашивающая социально-политическую жизнь въ этотъ историческій моментъ. Отсюда и въ исторіи Самодержавной Монархіи мы видимъ, казалось бы, противорѣчивыя явленія и

тенденціи: съ одной стороны созданіе и поддержка сословнаго начала и привилегій, съ другой стороны — борьба противъ притязаній соціальныхъ верховъ, когда эти притязанія начинаютъ явно нарушать демократическій принципъ государства. Отсюда, параллельно съ превращеніемъ дворянства и при Петрѣ В. въ привилегированное сословіе, — проведеніе тѣмъ же Петромъ В. въ дворянство — черезъ офицерство, возвышеніе способныхъ людей изъ соціальныхъ низовъ и т. п. Потребности государства дѣлають такую «демократичность» государственной власти цѣлесообразной, а при извѣстныхъ условіяхъ — и необходимой, неизбѣжной. Съ другой стороны — сама жизнь дѣлаеть то же самое: въ силу экономическаго роста, въ силу борьбы силъ, способностей, талантовъ, она выдвигаетъ и Мининыхъ, и Строгановыхъ, и Сперанскихъ, и Суворовыхъ, и Ломоносовыхъ. Нарождается и непрерывно множится *новый средний соціальный слой*, который такъ же не можетъ мириться съ соціальными и политическими привилегіями и притязаніями верховъ дворянства, какъ раньше дворянство не могло мириться и весьма активно боролось противъ соціально-политическихъ привилегій и притязаній высшаго боярства.

Начало момента этой политической борьбы могло наступить, конечно, только тогда, когда этотъ новый средний классъ началъ чувствовать въ себѣ достаточную реальную силу. Періоду «борьбы» всегда предшествуетъ періодъ тѣсной совмѣстной работы, а сама борьба никогда не влечетъ за собой полнаго устраненія отъ той же государственной работы «побѣжденныхъ». Только террористическая, кровавая революціонная борьба — будетъ ли она исходить отъ Ивана Грознаго, или отъ большевиковъ — связана съ уничтоженіемъ живыхъ силъ государства — въ лицѣ «побѣждаемыхъ». Это уничтоженіе — не только ужасъ, но и явный абсурдъ, явный ущербъ и государству, и народу. Отсюда — огромная разница не только моральная, но и реальная, практическая между «революціей сверху» при Иванѣ Грозномъ и при Александрѣ II; хотя государственная сущность

этихъ двухъ революцій была аналогична: и тамъ, и здѣсь Верховная Власть рѣшительно встала на сторону демократическаго принципа государства, требовавшаго поддержки среднихъ соціальныхъ слоевъ противъ слоевъ болѣе привилегированныхъ. При Иванѣ Грозномъ этими средними слоями являлось служилое дворянство; при Александрѣ II — земледѣльческое крестьянство, изъ среды котораго государство уже могло и должно было черпать служилыя силы для удовлетворенія своихъ, уже безконечно разросшихся, потребностей. Верховная Власть — и при Самодержавной Монархiи — безусловно должна была вступить на этотъ демократическій путь, такъ какъ иначе государство подвергалось риску недостаточно полнаго удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей, а Верховная Власть — тѣмъ самымъ — подвергалась риску умаленія собственной своей силы.

Но XVIII вѣкъ не могъ еще дать никакой почвы для народженія и дѣйствительнаго политическаго усиленія новаго средняго слоя, такъ какъ дворянство, какъ таковой слой, столь недавно еще одержавшее верхъ надъ боярствомъ и далеко еще не завершившее и своего служилаго процесса, и процесса превращенія въ законченный соціальный классъ, еще только развертывалось, боролось за свои интересы въ полномъ согласiи съ государствомъ и Верховной Властью, развивало и проявляло максимумъ энергiи, способностей и государственной активности, давая безконечный рядъ выдающихся дѣятелей во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни. Дворянство оставалось командующей силой армiи. Гвардiя, почти сплошь дворянская не только въ офицерскомъ составѣ, но въ значительной мѣрѣ и въ нижнихъ чинахъ, рѣшала въ XVIII вѣкѣ нерѣдко даже и вопросы престолонаслѣдованiя, обычно — въ соотвѣтствiи съ интересами именно среднихъ слоевъ и въ интересахъ національной государственности, — какъ это было напр., при вступленiи на престолъ Елизаветы Петровны — въ 1741 г. и Екатерины II — въ 1762 г. При этомъ классовые интересы дворянства неизмѣнно выигрывали. Въ 1746 г. послѣдовалъ указъ Елизаветы, только дворянамъ

разрѣшавшій покупку крестьянъ и съ землей, и безъ земли, между тѣмъ какъ раньше особенно при Петрѣ В., усиленно поддерживавшемъ и зарождавшійся промышленный классъ, а также — торговый, какъ земли, такъ и крестьянъ съ землей, могли покупать не только дворяне, но и промышленники. При Елизаветѣ же началось рѣзкое отдѣленіе такъ назыв. *личнаго* дворянства отъ родового, и личное дворянство, т. е. приобрѣтенное по службѣ — до опредѣленныхъ чиновъ, было лишено привилегій. Дворянскій классъ все больше становился замкнутымъ, привилегированнымъ сословіемъ, все больше проникался традиціями и принципами «рода», родovitости, и тенденціями — видѣть въ самомъ «родѣ» и родovitости право на политическія привилегіи совершенно такъ же, какъ это раньше было съ боярствомъ. Даже Петръ III, этотъ гольштинецъ, совершенно неспособный стать на точку зрѣнія русской національной политики, все же—вступивши въ декабрѣ 1761 г. на престолъ — догадывается, конечно, подъ вліяніемъ окружавшихъ его вельможъ, издать въ февралѣ 1762 г. манифестъ «о вольности дворянской», по которому — «дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ». Этимъ манифестомъ уничтожились послѣдніе слѣды *служилости* дворянскаго класса, извѣстныхъ *обязательствъ* службой государству, извѣстной *прикрѣпленности* дворянства къ государству, какъ бы оправдывавшей прикрѣпленность крестьянъ къ землѣ. Наконецъ, при Екатеринѣ II «Жалованная грамота дворянству» — 1785 года завершаетъ весь процессъ превращенія служилаго дворянства — въ дворянство сословное, въ привилегированный классъ. Этотъ классъ вмѣсто служило-военнаго, окончательно становится самоуправляющимся и «правлящимъ». Изданныя въ 1775 г. «Учрежденія для управленія губерній» предусмотрѣли источникъ административныхъ силъ для этихъ учреждений, главнымъ образомъ, въ дворянствѣ, а мѣстное самоуправленіе получило строго-сословный характеръ, что было новостью для дворянства, которое раньше, какъ служило-военное сословіе, имѣло скорѣе воинскую, чѣмъ сословную ор-

ганизацию, — а съ уничтоженіемъ обязательности службы рисковало потерять и служебную организацию. Губернскія учрежденія 1775 г. давали дворянству и внутреннюю — сословную организацию и «правлящее» положеніе въ губерніяхъ, на мѣстахъ. «Съ 1775 г. — говоритъ проф. Платоновъ — вся Россія отъ высшихъ до низшихъ ступеней управленія кромѣ развѣ городскихъ магистратовъ, стала управляться дворянствомъ: вверху — въ видѣ бюрократіи, внизу — въ качествѣ представителей дворянскихъ самоуправляющихся обществъ... Въ Жалованной Грамотѣ Дворянству 1785 г. начала сословнаго самоуправления разсматриваются, какъ сословныя привилегіи, на ряду со всѣми тѣми правами и льготами, какія дворяне имѣли раньше... Грамотою 1785 г. завершёнъ былъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой мы наблюдали на пространствѣ всего XVIII вѣка» (стр. 634).

Но — мы должны снова подчеркнуть — жизнь, социальная эволюція создавала параллельно и другой процессъ: и центральная бюрократія, и мѣстное управленіе и самоуправленіе фактически все же не могли оставаться абсолютно сословными, дворянскими; и вверху, и внизу — наряду съ «правлящимъ» дворянствомъ росъ и развивался и слой «разночинцевъ», отражавшій — въ социальномъ отношеніи — какое-то другое, не родовое, не сословное, а болѣе демократическое начало; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше прежде всего центральная бюрократія пріобрѣтала «разночинный», а не сословно-дворянскій характеръ; бюрократія становилась тѣмъ служилымъ, прикрѣпленнымъ къ государству слоемъ, которымъ раньше было дворянство и на который — особенно въ XIX вѣкѣ — Верховная Власть начинаетъ опираться въ тѣ моменты, когда сословное дворянство начинаетъ становиться къ ней въ оппозицію. Бюрократія является какъ бы представителемъ того государственнаго демократизма, какой присущъ государству по самой природѣ его. Бюрократія является какъ бы представительствомъ различныхъ слоевъ въ центральномъ государственномъ управленіи; черезъ нее различные социальные слои какъ

бы участвуютъ въ государственной власти — до того момента, когда болѣе правильное, систематическое и закономѣрное представительство всѣхъ слоевъ народа въ государственномъ управленіи не становится политически возможнымъ. Такой же процессъ нарастанія «разночиннаго элемента» мы видимъ и въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи, не смотря на то, что «правлящимъ элементомъ» и здѣсь остается сословное дворянство. Нарожденіе и ростъ новаго «служилаго» слоя, если не класса, который постепенно, въ совмѣстной работѣ съ сложившимся правящимъ слоемъ, вырабатываетъ въ себѣ служило-государственныя качества, навыки, опытъ и знанія, — происходитъ, такимъ образомъ, эволюціонно, не смотря ни на какія формальныя привилегіи ранѣе сложившихся верхнихъ, правящихъ слоевъ.

Но если время Екатерины II является временемъ завершенія процесса превращенія дворянства — изъ служилаго государственнаго сословія — въ сословіе привилегированное, въ сословіе правящее, въ классъ, который въ силу соціальной инерціи, будетъ уже склоненъ болѣе или менѣе упорно защищать свои классовые интересы и привилегіи, который поэтому повременамъ будетъ сталкиваться не только съ другими классами, но и съ Верховной Властью, отражающей *государство*, а не классъ, — то время Екатерины II является и временемъ поворота въ соціально-политической исторіи Россіи. Сама же Екатерина является теоретической сторонницей *освобожденія крестьянъ*. Не имѣя возможности и боясь еще провести такую огромную соціальную реформу, Екатерина проводитъ хотя бы частичныя мѣры въ этомъ направленіи: превращая, напр., крупныя села въ уѣздные города, правительство Екатерины выкупало крестьянское населеніе этихъ селъ и превращало крестьянъ въ горожанъ; около милліона крестьянъ, принадлежащихъ монастырямъ, духовенству — были изъяты изъ частнаго владѣнія и превращены въ особый разрядъ государственныхъ крестьянъ — подъ названіемъ экономическихъ. Правда, наряду съ такими мѣрами были и прямо противоположныя, какъ напр., раздача имѣній съ

крестьянами Екатериной; формальное закрѣпленіе крѣпостного права въ Малороссіи, и т. п. Идея освобожденія крестьянъ пробиваетъ себѣ дорогу и въ самомъ обществѣ, въ литературѣ и т. д. Борьба съ сословно-дворянскимъ, родовымъ принципомъ — въ пользу принципа государственнаго — начинается. Назрѣваютъ источники новой Смуты, новой борьбы социальныхъ слоевъ за честь быть ближайшей опорой Государства и его Власти, — совершенно такъ же, какъ это было и въ Смутѣ XVI-VII вѣка. Верховная Власть въ этой борьбѣ то нерѣшительно, то болѣе рѣшительно становится все же на сторону новыхъ, болѣе широкихъ социальныхъ слоевъ, претендующихъ или могущихъ быть болѣе широкой опорой для Государственной Власти. Хотя и случайно, больше по мотивамъ оппозиціонности къ политикѣ своей матери, чѣмъ по зрѣлому убѣжденію, но сынъ Екатерины, Павелъ I, во все свое четырехъ-пятилѣтнее царствованіе проводилъ *антидворянскую* политику, за что и поплатился жизнью. Это уже было начало Смуты, и при томъ — съ обѣихъ сторонъ: и крестьяне — подъ вліяніемъ распоряженій Павла, установившаго — въ 1797 г. — норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщика — всего въ три дня въ недѣлю, и запретившаго продавать дворовыхъ и крестьянъ безъ земли, — заговорили болѣе смѣло и усиленно о свободѣ и начали волненія; и дворяне, раздраженные антидворянской политикой Государя, составили заговоръ — подъ руководствомъ Панина, Палена, Зубовыхъ, не безъ участія, правда, и англійскаго посла Витворта, что снова указываетъ и на «внѣшнія вліянія» въ нашихъ Смутахъ, — и Павелъ былъ убитъ заговорщиками.

Хотя преемникъ, сынъ Павла, Александръ I прежде всего возстановилъ дѣйствіе отмѣненной Павломъ I Дворянской Грамоты 1785 г., но это скорѣе было съ его стороны «дань моменту» — дань обстоятельствамъ вступленія его на престолъ, чѣмъ его собственное убѣжденіе. Воспитанный уже болѣе или менѣе подъ вліяніемъ идей французской революціи, хотя едва ли воспріявшій и одобрявшій ихъ по существу, Александръ I тянетъ

скорѣе въ сторону «новыхъ людей», чѣмъ въ сторону стараго «родовитаго» — хотя бы по духу — дворянства. Въ его близкомъ кружкѣ — и князь Адамъ Чарторижскій, и гр. Кочубей, и гр. Строгановъ, и Новосильцевъ, а впослѣдствіи Сперанскій, но и вельможи Екатерининскаго времени. Этотъ кружокъ ставитъ и обсуждаетъ и крестьянскій вопросъ. Вышедшій — хотя бы въ лицѣ предковъ своихъ — изъ крестьянъ гр. Строгановъ даетъ — передъ Александромъ — рѣзкую оцѣнку дворянства: «это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупое». Это были уже новыя соціальныя вѣянія; это было уже политическое разслоеніе самого же дворянства — на старое, родовитое, съ сословнымъ духомъ, и на новое — *среднее* по своему политическому духу, чужавшее нарожденіе «новыхъ среднихъ соціальныхъ слоевъ», которымъ рано или поздно — суждено смѣнить въ политическомъ вліяніи старое дворянское сословіе, а потому склонявшееся къ какому-то новому политическому курсу, далеко еще неясному. Это уже — ново-дворянская среда, изъ которой выходятъ въ то время декабристы, а впослѣдствіи дворянская политическая оппозиція — и западническаго, и — отчасти — славянофильскаго толка; изъ которой выходитъ съ другой стороны — поддержка Александру II въ его самой коренной демократической реформѣ — освобожденіи крестьянъ; изъ которой выходятъ земцы-конституціоналисты; изъ которой, наконецъ, выходятъ и чистокровные революціонеры-разрушители государственности, хотя бы лишь въ жалкихъ роляхъ «сочувствующихъ» соціалистическому революціонному движенію, руководимому, конечно, далеко не російскими дворянами и даже далеко не русскими людьми. Въ «новомъ дворянствѣ» можетъ быть начинала зарождаться правильная политическая идея — идея необходимости для болѣе свободной отъ духа сословности и родовитости части дворянства найти путь къ единенію съ нарождающимися новыми соціальными слоями — и различиннымъ элементомъ, и торгово-промышленнымъ слоемъ, и самое главное — съ народными толщами, съ земледѣльческимъ

крестьянствомъ, которому — рано или поздно — неизбежно будетъ принадлежать и активная политическая роль; найти эти пути политическаго единенія, для того, чтобы самимъ не утратить своей политической роли и усилить эту роль другихъ слоевъ, объединившись — въ томъ же государственномъ направленіи — съ этими болѣе мощными, государственно-положительными творческими слоями. И поскольку этотъ новый политическій «духъ» дворянства оставался государственнымъ, т. е. поскольку онъ клонился къ содѣйствію, къ поддержкѣ Верховной Власти по пути положительныхъ реформъ, по пути *усиленія государства* этими реформами, — отслоеніе «новаго дворянства» было явленіемъ положительнымъ, прогрессивнымъ. А поскольку этотъ «новый духъ» вель къ попыткамъ лишь «ограничить Самодержавіе», лишь ослабить Верховную Власть, при чемъ — до появленія тѣхъ широкихъ социальныхъ силъ, которыя дали бы и болѣе государственное направленіе этимъ стремленіямъ воздѣйствовать на Государственную Власть, — этотъ «новый духъ» порождалъ отрицательныя явленія, вродѣ декабристскаго бунта, который, въ случаѣ удачи, — правда органически невозможной, — привелъ бы только къ дворянской олигархіи, а совсѣмъ не къ «свободѣ народа»; или вродѣ той безпредметной оппозиціонности Верховной Власти, которая въ концѣ концовъ явилась лишней водой на мельницу противогосударственной, лишь разрушительной — социалистической революціи, во вредъ, а не въ пользу и «новаго дворянства» и тѣхъ «новыхъ среднихъ слоевъ», на которые оно можетъ быть, хотѣло опираться. Принципъ *усиленія государства*, а тѣмъ самымъ и *усиленія Верховной Власти*, а совсѣмъ не принципъ «ограниченія самодержавія», т. е. ослабленія Верховной Власти долженъ бы былъ руководить и новымъ, прогрессивнымъ дворянствомъ, и новыми «средними слоями», если бы они оставались твердо и послѣдовательно на государственной точкѣ зрѣнія. Къ сожалѣнію, даже въ лучшей части «новаго дворянства» государственная основа его прогрессивности болѣе или менѣе смѣшивалась съ точкой зрѣнія *революціонной*, и

результатъ получился печальный — и для дворянства, и для народа, и для Государства.

Процессъ нарожденія дворянской оппозиціи Самодержавной Монархіи можно отнести ко времени Александра I, и этотъ процессъ тѣсно связанъ съ еще болѣе глубокимъ процессомъ — зарожденіемъ новой Смуты, имѣющей тотъ же соціально-политическій смыслъ и то же значеніе, что и Смута XVI-XVII вѣка: «Дворянская Россія», смѣнившая «Боярскую Россію», заканчивала свой циклъ, изживала свой вѣкъ, т. е. въ качествѣ активной политической опоры Государства и Верховной Власти уже не могъ и долженъ былъ выступить еще болѣе широкій соціальный слой, чѣмъ было до сихъ поръ, — не одно дворянство, но и всѣ тѣ элементы и слои, которые — со своей политической сущности — уже могли представлять то же, что представляло собой къ началу XVII вѣка дворянство. Сила Государства могла и должна была *увеличиться*, соотвѣтственно съ этимъ назрѣвавшимъ увеличеніемъ соціальныхъ слоевъ, могущихъ служить его активной политической основой и поддержкой. Это назрѣвавшее увеличеніе политически-активныхъ слоевъ и элементовъ являлось естественнымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ всей жизненной эволюціи народа и Государства: возросталъ хотя — до XIX вѣка — и медленно, городской — торговый, ремесленный, промышленный и служилый элементъ; съ ростомъ и укрѣпленіемъ Государства — росъ экономически и классъ земледѣльцевъ, крестьянъ, выдѣляя изъ себя — даже несмотря на крѣпостное право — элементы въ городской классъ; измѣнялись общія условія народнаго хозяйства, въ связи съ развитіемъ мірового капитализма, что дѣлало хозяйственно болѣе раціональнымъ, выгоднымъ и необходимымъ замѣну натурально-крѣпостнаго хозяйства хозяйствомъ денежнымъ, свободнымъ; промышленный міровой переворотъ въ началѣ XIX вѣка — въ связи съ техническими открытіями и усовершенствованіями въ области промышленности и транспорта — паровыя машины, пароходство, желѣзныя дороги, электричество, — этотъ техническій переворотъ, быстро двинувшій міро-

тественнымъ явленіемъ представляется та нерѣшительность, двойственность и «теоретичность» настроеній и мѣръ государственной власти по крестьянскому вопросу въ этотъ 50-60 лѣтній періодъ, до Александра II. И столь же естественной является рѣшительность, ясность, вой капитализмъ, сдѣлалъ окончательно и рѣшительно невозможнымъ существованіе натурально-крѣпостного хозяйства гдѣ бы то ни было, а въ такомъ государствѣ какъ Россія, занимавшемъ виднѣйшее мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ и — особенно — въ международной политической жизни, — тѣмъ болѣе. Отмѣна крѣпостного права, освобожденіе крестьянъ въ Россіи — въ первой половинѣ XIX вѣка стало не либеральной модой и затѣей, а жизненно-неизбѣжнымъ и для Государства абсолютно необходимымъ и выгоднымъ соціально-политическимъ дѣломъ. Никакая соціальная, классовая, или политическая реакція не могла бы остановить этого дѣла, этого рѣшительнаго требованія жизни и исторіи. Но реакція — въ русскихъ условіяхъ — могла добиться освобожденія крестьянъ безъ земли, что вызвало бы внутреннія затрудненія, которыя были бы только во вредъ народу и Государству. И величіе реформы Александра II въ томъ и заключается, что эта реформа пошла по жизненно и политически вѣрному — *эволюціонному* пути, отклонивъ отъ Россіи ужасы и разрушенія пути революціоннаго.

Но въ такой ясной и рѣшительной — народно-хозяйственной постановкѣ крестьянскій вопросъ въ Россіи сталъ только ко времени Александра II, когда и до Россіи докатилась могучая волна технического переворота въ міровомъ хозяйствѣ. Утвержденіе, что реформу эту задерживала только реакціонность Верховной Власти и правящаго класса — при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ I и Николаѣ I — не имѣетъ подъ собой именно этой, наиболѣе рѣшающей — народно-хозяйственной — почвы. Нѣтъ серьезныхъ данныхъ, позволяющихъ утверждать, что въ этотъ періодъ русской исторіи — народное хозяйство Россіи *могло* перейти изъ натурального строя въ денежный, и что именно этому переходу мѣшала только

реакціонность государственной власти. А безъ этихъ данныхъ и утверждение о возможности великой реформы Александра II раньше, чуть не съ Екатерины II, является утверждениемъ безпочвеннымъ, бездоказательнымъ, произвольнымъ «идеалистическимъ». Напротивъ, вполне ес-опредѣленность въ постановкѣ крестьянскаго вопроса при Александрѣ II: назрѣла не только *идея*, но и жизненная *необходимость* этой реформы; выяснены — предварительной работой мысли и государственной власти, и общества — вопросы практическихъ деталей реформы, прежде всего — вопроса о землѣ для освобождаемыхъ крестьянъ; рѣшительно всталъ вопросъ о явныхъ преимуществахъ перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, — и реформа совершилась, прошла и принята спокойно; жизнь народа и государства пошла по здоровому, эволюціонному руслу.

Ни Александръ I, ни Николай I, при безспорномъ ихъ «теоретическомъ» сочувствіи идеѣ крестьянской реформы, не имѣли достаточной реальной почвы для осуществленія этой реформы. Вотъ почему они и ограничились такими мѣрами, какъ учрежденіе «секретныхъ комитетовъ», въ которыхъ разсматривался и крестьянскій вопросъ, такими законами, какъ — «законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ» въ 1803 г., которымъ помѣщикамъ предоставлялось право освобождать своихъ крестьянъ по свободному съ ними соглашенію; или аналогичный законъ объ «обязанныхъ крестьянахъ», предложенный Николаю I въ 1842 г. Киселевымъ, раньше представленнымъ Александру I — проектъ полного уничтоженія крѣпостнаго права и поставленнымъ при Николаѣ I во главѣ новаго вѣдомства — Министерства Государственныхъ Имуществъ (въ 1837 г.). При обсужденіи закона объ «обязанныхъ крестьянахъ» — они въ случаѣ освобожденія ихъ помѣщикомъ непременно съ землей «обязаны» были нести извѣстныя повинности своему бывшему владѣльцу — въ Государственномъ Совѣтѣ Николай I говорилъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться

къ оному теперъ было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ». Николая I останавливало развивавшееся въ то время на Западѣ революціонное движеніе. Можно ли — теперъ — винить Николая I за то, что онъ *боялся* рисковать мѣрами, которыя и въ Россіи могли повести къ революціонному движенію, при томъ не столько *политическому*, сколько *соціальному* — едва ли вопросъ спорный. Рисковать соціальной революціей, т. е. чистѣйшей Пугачевщиной, въ то время было бы еще большей жестокостью по отношенію къ Государству и къ самому народу, чѣмъ въ 1917 году. Да и политическая «реакціонность» Николая I — съ современной — 1922 г. — демократической точки зрѣнія представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ въ нашъ предреволюціонный періодъ шаблонной «борьбы съ Самодержавіемъ». Да и тогда, напр., проф. Платоновъ, говоря о движеніи декабристовъ, высказывалъ такія мысли: «Не было тайной, что заговоръ декабристовъ былъ новымъ проявленіемъ старой шляхетской привычки мѣшаться въ политику... Въмѣсто сплошной дворянской массы XVIII вѣка, гвардейское солдатство стало въ XIX вѣкѣ разночиннымъ; но офицерство, втянутое въ движеніе, было по-прежнему сплошь *дворянскимъ*, и оно думало *въ своихъ видахъ* руководить гвардейской казармой... Представители сословія, достигшаго исключительныхъ сословныхъ льготъ, теперъ проявили стремленіе къ достиженію политическихъ правъ. Если раньше Императоры Павелъ и Александръ высказывались противъ дворянскаго преобладанія, то теперъ — въ 1825 г. власть должна была чувствовать прямую *необходимость эмансипироваться отъ этого преобладанія*. Подавивъ оппозицію, желавшую реформъ, правительство само стремилось къ реформамъ и порвало съ внутреннею реакціей послѣднихъ лѣтъ Императора Александра. Ставъ независимо отъ заподозрѣнной дворянской среды, правительство пыталось создать себѣ опору въ бюрократіи и желало *ограничить исключительность дворянскихъ привилегій*». (стр. 682).

Если мы дополнимъ эти мысли мыслью о томъ, что даже въ случаѣ удачі декабристскаго движенія Россія имѣла бы чисто *дворянскую конституцію*, при которой крестьянство *фактически* даже если бы формально оно тогда же было бы освобождено не могло бы выступить въ качествѣ политической активной, организованной силы, то въ результатъ такой конституціи Россія имѣла бы лишь временное усиленіе политической власти сословныхъ, родовитыхъ дворянскихъ верховъ, которые, конечно, стремились бы къ сохраненію и усиленію своихъ сословныхъ правъ и привилегій, несомнѣнно въ ущербъ низовымъ массамъ, прежде всего въ ущербъ крестьянству, которое едва ли было бы освобождено съ землей, а это лишь вызвало бы и при «свободной» конституціи, и при «ограниченномъ Самодержавіи», или хотя бы и при республикѣ, о которой мечталъ Пестель и его товарищи, болѣе острую социальную борьбу, революціонную Пугачевшину, ослабленіе достигнутой при самодержавіи внѣшней мощи Государства, можетъ быть, его политическое паденіе, расчлененіе и внутреннее экономическое обезсиленіе, обнищаніе, всего того, что вызвала русская революція даже почти черезъ сто лѣтъ послѣ декабристовъ, несмотря на громадное усиленіе социальныхъ, культурныхъ и экономическихъ силъ Россіи за это столѣтіе. Ужъ если Государству суждено пострадать отъ революціи, то лучше, когда этому испытанію подвергается въ болѣе сильномъ, окрѣпшемъ состояніи, чѣмъ въ слабомъ на зарѣ своего свободнаго экономического и культурнаго развитія. Верховная Власть въ Россіи въ началѣ XIX вѣка, отражая Государство въ цѣломъ, а не одинъ дворянскій классъ, какъ бы ни велика была его политическая роль, его поддержка Верховной Власти, не могла и не должна была стать на ту «дворянско-конституціонную» позицію, какую намѣчало декабристское движеніе. Это было бы измѣной *государственному принципу* въ пользу принципа, классового, сословного, привиллигерованнаго, олигархическаго. Верховная Власть должна была искать новой, болѣе широкой, болѣе общегосударственной опоры для Государства, а такую опору она могла найти только въ «новыхъ *среднихъ* социальныхъ

слояхъ», къ которымъ, конечно, непремѣнно примкнула бы и значительная часть здороваго, не пораженнаго болѣзною «родовитости», болѣзною «классовой диктатуры», дворянства. Несчастье Государства и его Верховной Власти заключалось въ томъ, что этихъ «новыхъ среднихъ соціальныхъ слоевъ» не было еще въ той полнотѣ и политической оформленности, которая позволяла бы легко найти въ нихъ необходимую для Государства и его Власти опору. Власть видѣла и знала бюрократію. Но бюрократія только частица среднихъ слоевъ, при томъ частица служилая, а не широко общественная. И хотя Николай I говорилъ, что «Россіей правятъ столоначальники», но опираться только на «столоначальниковъ» Верховная Власть, конечно, не могла. Она непремѣнно должна была бы искать то, что въ XVII вѣкѣ она нашла въ дворянствѣ. Не могла она теперь, когда крестьянство безусловно должно было быть освобождено и превратиться въ политически свободный и экономически достаточно сильный по русскому масштабу классъ, опираться и на одинъ только городской классъ, хотя бы и въ единеніи его съ крупной частью средняго, а частью и высшаго дворянства. Такая средне и крупно-буржуазная опора для русской Государственной Власти точно также не была еще достаточно такъ какъ соціальная и экономическая сила этого класса въ Россіи не настолько велика, чтобы въ немъ одномъ Россія могла построить свою государственную конституцію. Государство, въ которомъ 85, если не 90% крестьянства, почти сплошь земледѣльческаго, можетъ найти для себя и для своей Власти дѣйствительно прочную опору только тогда, когда оно будетъ опираться и на крестьянство. Надо было создать этотъ классъ, какъ классъ политически свободный и организованный; надо было найти въ немъ и выдѣлить тѣ средніе, тѣ лучшіе элементы, которые способны на политическую активность въ государственно-положительномъ, творческомъ направленіи; надо было политически объединить эти элементы съ такими же элементами городского класса и земледѣльческаго, хозяйственнаго и служилаго дворянства, мечтающаго не объ «ограниченіи Самодержавія», а объ *усиленіи Государства*, а потому готоваго отказаться отъ привилегированно-со-

словныхъ тенденцій и работать въ тѣсномъ единеніи съ городскими и сельскими, крестьянскими средними слоями въ качествѣ общей *соціальной поддержки Государства*, при которой росло бы Государство, укрѣплялось бы, конечно, вмѣстѣ съ нимъ, а не «ограничивалась» бы и Верховная Власть. Только при такихъ условіяхъ Верховная Власть могла бы «эмансипироваться отъ дворянскаго преобладанія», могла бы властно указать и дворянству его настоящее государственное, а не сословно-привилегированное мѣсто. Но такой процессъ выдѣленія «новыхъ среднихъ соціальныхъ слоевъ» тогда еще далеко не былъ законченъ; старая опора власти оказалась «заподозрѣнной», а новая еще не сформированной, и несчастье Россіи, новая Смута явилась печальной исторической неизбежностью.

Счастливая «эпоха великихъ реформъ» Александра II направила было Смуту по здоровому, эволюціонному руслу. Верховная Власть государства вышла было изъ положенія изолированности, въ которомъ она болѣе или менѣе находилась при Николаѣ I. Но процессъ Смуты XIX—XX вѣка осложнялся еще сильнѣе, чѣмъ процессъ Смуты XXVI—XVII в. Конечно, не потому, что «реакціонная власть» упорно не хотѣла давать «конституцію», какъ это твердила либеральная часть дворянства, буржуазіи и интеллигенціи, а потому, что власть, оставаясь дѣйствительно на *государственныхъ* позиціяхъ, не могла и не должна была давать «конституцію» до того момента, когда Государство могло бы опереться не только на активные элементы дворянства, буржуазіи и интеллигенціи, но и на активные элементы крестьянства. Безъ этого «конституція» была бы только «панской», но не общегосударственной, и Смута все равно продолжалась бы. Для *государства* было разумнѣе и выгоднѣе продолжать свое функционированіе при старомъ налаженномъ, хотя бы и несовершенномъ аппаратѣ управленія, чѣмъ пытаться создавать новый конституціонный аппаратъ, когда завѣдомо въ этомъ аппаратѣ еще не могла — органически — не могла принимать истинно активнаго участія 80-90%-ная масса народа, еще не успѣвшая выдѣлится изъ себя тѣ политически-активные элементы, какіе выдѣлили дворянство, буржуазія и разночинная интеллигенція. Власть

должна оставаться на консервативныхъ позиціяхъ, а не вступать на путь той легкой конституціонности и демократичности, на какой рвалась наша либеральная оппозиція.

Но еще серьезнѣе, еще хуже, еще опаснѣе было другое обстоятельство, прерывавшее и прервавшее эволюціонный процессъ «эпохи великихъ реформъ», сулившихъ Россіи великое счастье и великую мощь, если бы этотъ эволюціонный процессъ не былъ прерванъ. Это обстоятельство — развитіе революціоннаго социализма. Это государственно-разрушительное теченіе социализма, какъ всегда и вездѣ, на протяженіи всей исторіи социализма и социалистическаго движенія, — не сулило народу и государству ничего, кромѣ кровавыхъ, бесплодныхъ опытовъ фанатическихъ теоретиковъ, ничего, кромѣ разрушеній, несчастій и страданій народа, надъ которымъ производятся эти опыты; ничего, кромѣ политическаго ослабленія, разложенія, если не полной гибели того Государства, въ которомъ эти опыты производятся. Но наша либеральная интеллигенція, а за ней — либеральное дворянство и либеральная буржуазія, отчасти по недостаточному знакомству съ социализмомъ и — особенно — съ *его революціоннымъ*, всегда и всюду «большевическимъ», теченіемъ; отчасти по той общей умственной легкости, какая характеризуетъ нашу либеральную по преимуществу дворянскую мысль; отчасти, наконецъ, по отсутствію политическаго опыта, — какъ бы то ни было наша либеральная мысль стала искать и въ революціонномъ социализмѣ «политическаго союзника» вмѣсто того, чтобы сразу, здоровымъ практическимъ чутьемъ — если не хватало теоретическихъ знаній и политическаго опыта, — увидѣть въ революціонномъ социализмѣ — совершенно безнадежный утопизмъ, при томъ абсолютно и непримиримо *антигосударственнаго* характера. Этотъ утопическій революціонный социализмъ ни въ какой мѣрѣ, ни при какихъ условіяхъ не могъ быть «политическимъ союзникомъ» государственно-конституціоннаго движенія. Онъ былъ и могъ только быть лишь непримиримымъ врагомъ. Но этого политическаго врага нашъ оппозиціонный либерализмъ все время, даже гордясь широтой своего политическаго сердца, съ роковымъ упорствомъ только пригрѣвалъ, только

легкомысленно надѣялся использовать красную тряпку» и выѣхать «на красныхъ ослахъ». И... выѣхалъ къ потокамъ крови; къ гибели и безъ того слабой, массовой русской культуры; къ обнищанію и вымиранію народа; къ разложенію, расчлененію и униженію Государства.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на анализѣ другого внѣшняго, но столь же, если еще не болѣе могущественнаго фактора Смуты XX вѣка, можетъ быть даже исключительно создавшаго наиболѣе острый ея моментъ революцію 1917 года и большевизмъ. Весьма возможно, что если бы не было міровой войны, если бы роль и положеніе въ ней Россіи была бы иной, не было бы революціи, не было бы захвата власти большевиками, не было бы тѣхъ результатовъ, къ какимъ привелъ этотъ захватъ Россію. Весьма возможно, что Россія — медленно, болѣзненно, но все же безъ такого страшнаго паденія къ какому привели ее революція и большевизмъ — изжила и пережила бы Смуту XX вѣка; возможно, что въ ней эволюционнымъ путемъ утвердилась бы конституціонная Монархія; постепенно сформировался бы тотъ политически активный средній слой съ участіемъ и крестьянства, который понялъ бы значеніе крѣпкой Государственной Власти для роста самого государства, т. е. и для роста самого народа и въ — концѣ концовъ — далъ бы дружную и крѣпкую опору своей Государственной Власти. Пусть это была бы конституціонная Монархія, лишь бы она была сильная, крѣпкая Монархія — для государства и для народа важна не форма, не наименованіе Власти, а ея внутренній, реальный характеръ. Говорить теперь объ этихъ «возможностяхъ» — бесполезно. Но необходимо понять и признать, что ни въ возникновеніи міровой войны, ни въ характерѣ той роли, какую въ ней играла Россія «Царизмъ» ни причесть. Возникновеніе міровой войны имѣетъ, конечно, и соотвѣтственно глубокіе міровые источники. Отыскиваніе «виновниковъ» этой войны, это — грубый, вульгарный политическій пріемъ, недостойный современнаго культурнаго чело- вѣчества, и тѣмъ болѣе — современной научной и политической мысли. А что касается роли и положенія Россіи въ этой войнѣ на сторонѣ Антанты, то насколько въ

этомъ фактически была повинна Государственная Власть, а не конституціонная и революціонная оппозиція, это рѣшить лишь судъ исторіи. Насколько положительной и результатной была роль этой оппозиціи въ исправленіи «ошибокъ» Царской Власти въ роли и положеніи Россіи въ міровой войнѣ, точно также рѣшить лишь судъ исторіи. Но если эти «ошибки» были, оппозиція, ставъ у власти, во всякомъ случаѣ, не только не «исправила» ихъ, а привела революціей и большевизмомъ къ уничтоженію для Россіи самой возможности чтобы то ни было сдѣлать, къ уничтоженію всякаго международно-правоваго дѣйствія Россіи, какъ государства, — скинула Россію съ международныхъ счетовъ совершенно. Нужно перестать стараться не видѣть этого; нужно прямолинейно признать это, и перестать говорить объ ошибкахъ «Царизма», когда безконечно болѣе отвѣтственные, по истинѣ роковыя для Россіи, ошибки оказались на совѣсти оппозиціи. Можетъ быть, для совѣсти революціонной оппозиціи, это совѣмъ не ошибки, а величайшая заслуга, что удалось вмѣстѣ съ «Царизмомъ» свалить и Россію, наградивъ и русскій народъ тѣми благами и «завоеваніями» революціи, отъ которыхъ онъ теперь задыхается. Но для совѣсти либеральной, конституціонной оппозиціи — это такія тяжкія ошибки, которыя — если эта совѣсть есть у нея — разъ навсегда должна бы была заставить либеральную оппозицію отшатнуться отъ такой оппозиціи Государственной Власти, какую она вела почти цѣлое столѣтіе.

Смута XX вѣка, какъ и Смута XVII вѣка, хотя и гораздо болѣе сложными, болѣе грандіозными, болѣе кровавыми путями, привела всѣ слои русскаго народа къ сознанію, что передъ нимъ стоитъ уже вопросъ не борьбы отдѣльныхъ слоевъ между собою, но борьбы за самодержавную, конституціонную, монархическую или республиканскую форму Верховной Власти Государства, но — за *самое Государство*, за политическую суверенность, за *національную государственность*. Въ этомъ отношеніи, какъ ни различны пути и формы Смуты тогда и теперь, но главнѣйшій политическій результатъ ихъ оказался весьма однороднымъ: рожденіе или пробужденіе глубочайшаго національнаго самосознанія

и тяготѣнія къ Національной Государственности, а слѣдовательно и къ Національной Государственной Власти. Если это сознаніе и это тяготѣніе еще не настолько сильны, чтобы создать единое и мощное движеніе народа, какъ это было въ 1613 году, къ выходу изъ Смуты, то они крѣпнута и скоро окрѣпнутъ настолько, что возможность выхода станетъ ясной, реальной, дѣйственной. Должно совершиться объединеніе національныхъ силъ передъ — для всѣхъ равно великой и общей задачей — возстановленія Національной Государственности и Національной Государственной Власти. Въ осуществленія этой задачи — нѣтъ политической жизни ни для отдѣльныхъ слоевъ народа, ни для Государства. Объединеніе поэтому неизбежно, если русскій народъ — еще живъ политически, живъ исторически. А онъ живъ, живъ несомнѣнно. Мертвыми политически окажутся, можетъ быть, отдѣльныя русскія политическія партіи и даже теченія, которыя поэтому и не найдутъ путей взаимнаго объединенія. Но русскій народъ въ данное время — далеко еще *не въ партіяхъ* — онъ по прежнему еще въ *массахъ*, въ партійную организованность далеко еще не вовлеченныхъ, живущихъ еще особенной — *массовой* — политической мыслью, больше руководимой инстинктомъ, чѣмъ отчетливымъ политическимъ сознаніемъ, а потому — по формѣ — мало опредѣленной, даже мало устойчивой, но въ существѣ своемъ, конечно, точно также направляемой *реальными интересами народа*, какъ и болѣе отчетливая политическая мысль народовъ съ большей политической практикой.

Въ этой «массовой» политической мысли русскаго народа, а слѣдовательно — прежде всего въ опредѣленіи его реальныхъ интересовъ, связанныхъ съ той или другой формой государственности — нужно искать опорную точку для національнаго движенія къ возрожденію Россіи. Овладѣть этимъ національнымъ движеніемъ то политическое теченіе, которое наиболѣе правильно опредѣлить и наиболѣе ясно и рѣшительно сформулируетъ *реальные интересы* народныхъ массъ — безъ всякой демагогіи, но и безъ всякаго посягательства на классовую диктатуру, на классовый эгоизмъ, на классовое использованіе народныхъ массъ, — а оп-

редѣливши эти интересы, найдеть наиболѣе естественные, вѣрные и прочные пути къ *государственному*, — а не классовому или групповому — объединенію широкихъ массъ на *національныхъ* основаніяхъ. Реальные интересы народныхъ массъ самымъ рѣшительнымъ образомъ требуютъ прежде всего — *соціального мира* и законнаго *порядка*. Абсолютное отрицаніе продолженія революціоннаго пути *соціального* развитія поэтому является первымъ условіемъ вѣрнаго опредѣленія реальныхъ интересовъ народа. А изъ этого отрицанія вытекаетъ общее отношеніе къ революціи, къ ея демагогическимъ лозунгамъ и программамъ. Но это нисколько не означаетъ — насильственной механической реставраціи всѣхъ *соціальныхъ* и *правовыхъ* отношеній до революціоннаго періода. Измѣненія въ нихъ, происшедшія во время революціи, подлежатъ урегулированію на началахъ государственной цѣлесообразности и справедливости при той *національной* власти, которая смѣнитъ власть революціонную. Пути выявленія этой государственной цѣлесообразности и справедливости могутъ быть весьма разнообразными — отъ привычной для современной и западно-европейской парламентарной мысли — идеи «учредительнаго собранія», до прямо противоположной ей идеи — *единовластной* воли диктатора, ведущаго народъ изъ хаоса революціи къ твердымъ устоямъ *національной* государственности. *Единовластная* воля диктатора, всегда опирающагося на то или другое общественное выраженіе народной мысли и народной воли, — разъ эта мысль и эта воля достигли уже достаточной степени рѣшительности и опредѣленности, — можетъ угадать эту мысль и эту волю, можетъ отвѣчать ей такъ же вѣрно и полно, какъ и воля даже вполнѣ свободно избраннаго «учредительнаго собранія». Съ истинно *національной*, истинно государственной точки зрѣнія — важна не форма выраженія народной мысли и воли, а *сущность* этой мысли и воли. Важно не то, какимъ путемъ эта мысль и эта воля народа будетъ выражена — *парламентарнымъ* или *самодержавнымъ*, — а то, насколько вѣрно она будетъ выражена, насколько государственная мысль и воля Вождя народа будетъ отвѣчать реальнымъ интересамъ народа, а слѣдовательно — и его реальнымъ

политическимъ настроеніямъ. Если при нормальныхъ, эволюціонно протекающихъ условіяхъ политической жизни западныхъ народовъ, съ болѣе развитымъ экономическимъ и культурнымъ уровнемъ, парламентаризмъ уже начинаетъ переживать свой «кризисъ» — то въ условіяхъ революціоннаго хаоса и въ процессѣ освобожденія отъ него настаивать непременно на парламентарныхъ путяхъ развитія этого процесса — едва ли справедливо теоретически и едва ли цѣлесообразно практически. Диктаторскіе, самодержавные пути къ выходу изъ революціоннаго хаоса опредѣлены опытомъ исторіи, диктуются не только механическими условіями борьбы, но и болѣе глубокими — психологическими и политическими — факторами и причинами. Народъ, переживши бурю революціи, психологически отшатывается отъ тихой заводи парламентаризма, усматривая и въ немъ возможный источникъ продолженія революціи или, по крайней мѣрѣ, не столь быстрой ликвидаціи революціоннаго хаоса, какой хотѣлось бы уставшему отъ революціи народу. А политически назрѣвшая жажда народа возстановить національную государственность — вмѣсто хаоса революціи — является уже настолько ясной, выкристаллизовавшейся, рѣшительной и опредѣленной, что воля диктатора, готового вести народъ по національному пути, уже не можетъ не совпадать съ волей народа. Диктаторъ въ этихъ условіяхъ — представитель и вождь не только вооруженныхъ силъ, ведущихъ борьбу, но и истинный представитель и вождь *народа*, истинный выразитель его политической воли. Поэтому — на извѣстный моментъ — народъ можетъ безраздѣльно ввѣрить свою волю и свою политическую судьбу своему вождю, самодержавному диктатору. Власть самодержавнаго диктатора въ этомъ случаѣ, на этотъ извѣстный моментъ, будетъ отражать совсѣмъ не власть вооруженной силы, а именно власть самого народа — въ формѣ Самодержавной Власти его Диктатора. Если практическая обстановка подскажетъ при этомъ какіе-то средніе — по формѣ — пути, напр., Самодержавную Власть Диктатора съ наличиємъ при немъ тѣхъ или другихъ представительныхъ совѣщательныхъ органовъ, какъ это было въ 1613 году при закрѣпленіи народной волей русской Самодержавной

Монархіи, то это все же будетъ скорѣе только *формой*, но не существомъ политическаго процесса: Диктаторъ остается и долженъ оставаться при этомъ Диктаторомъ т. е. самодержавнымъ выразителемъ воли народа, а представительные органы при немъ будутъ играть лишь роль политическаго реактива, опредѣляющаго точность соотвѣтствія воли Диктатора — воли Народа. Во всякомъ случаѣ, первый періодъ процесса возстановленія національной государственности изъ хаоса революціи — можетъ и долженъ пройти только въ атмосферѣ Самодержавной Власти Диктатора, хотя бы — если это подскажетъ практическая обстановка — и съ наличностью при немъ представительныхъ совѣщательныхъ органовъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи политическаго процесса будетъ уже совершаться кристаллизація тѣхъ новыхъ социальныхъ силъ и соотношеній, которыя опредѣлятъ нормальныя условія и формы политической жизни народа и Государства, — будетъ опредѣляться тотъ новый строй, въ народненіи и кристаллизаціи котораго заключалась сущность, источникъ русской политической Смуты конца XIX — и начала XX вѣка. Пойти навстрѣчу этому новому строю, признать его законнымъ, эволюціоннымъ историческимъ явленіемъ, положить его въ основу дальнѣйшаго политическаго существованія и развитія Государства — будетъ такой же священной обязанностью государственной власти какъ и выведение страны изъ хаоса революціи — къ твердой національной государственности. Пытаясь найти и провести параллель — въ этомъ внутреннемъ, глубокомъ, социальномъ отношеніи — между Смутнымъ временемъ и нынѣшней революціей, мы не можемъ не притти къ заключенію, что основнымъ сходствомъ этихъ двухъ крупнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской государственности является стремленіе народа найти и дать болѣе широкую, болѣе національную политическую опору Государственной Власти — въ интересахъ и Государства, и Народа. Узкая, олигархическая, кастовая, групповая и даже классовая опора государственной власти при всѣхъ условіяхъ менѣе выгодна для государства и для народа, чѣмъ опора болѣе широкая, болѣе демократическая, т. е. общенародная, общенациональная.

Съ этой точки зрѣнія социалистическая «диктатура пролетаріата», т. е. диктатура отдѣльнаго класса, поскольку «классъ» есть социальная реальность, а не фикція, условность, абстракція, — при современныхъ условіяхъ представляетъ идею глубоко *не-демократическую*, даже антидемократическую по существу — олигархическую, съ той разницей по сравненію съ аристократической олигархіей, что у той — аристократической — олигархії обычно есть хоть преимущество болѣе высокой культуры, большаго политическаго опыта, большей организованности и умѣнія организовать и управлять. «Диктатура пролетаріата» — при современныхъ условіяхъ — поэтому есть лишь демагогическое средство въ рукахъ партійной организаціи къ захвату государственной власти, использование которой сразу ставится въ ложно-демократическія, по самой природѣ класса — крайне неблагоприятныя, съ практической точки зрѣнія, условія: пролетаріатъ — при современныхъ условіяхъ — классъ далеко не столь подготовленный къ государственному управленію, чтобы — съ истиннымъ успѣхомъ — смѣнить классы или группы, въ рукахъ которыхъ управленіе находилось до настоящаго времени. Фактически — опора государственной власти при «диктатурѣ пролетаріата» — при современныхъ условіяхъ — становится уже менѣе демократической, т. е. по существу болѣе олигархической, чѣмъ — до этой диктатуры. Только при томъ социальномъ строѣ, когда «пролетаріатъ» представлялъ бы дѣйствительно подавляющее большинство народа, при томъ политически достаточно активное и подготовленное, могла бы появиться естественно, эволюціонно назрѣвшая потребность въ опорѣ государственной власти *главнымъ образомъ*, — но, конечно, не исключительно, — на этотъ классъ. Но тогда, разумѣется, не было бы никакой надобности ни въ революціи для осуществленія этой національной потребности, ни въ возрожденіи политическаго деспотизма, къ которому неизбѣжно приводили всѣ попытки осуществленія «диктатуры пролетаріата», — и въ особенности, конечно, попытка нынѣшней русской революціи. Эта революція, особенно большевистскій ея періодъ, является самымъ грубымъ противорѣчіемъ исторической эволюціи, т. е. и интересамъ

народа, не исключая и самого рабочего класса — «пролетариата». Исторія — не только Россіи, но и всѣхъ гораздо болѣе «пролетаризованныхъ» государствъ — стремится къ расширенію соціальной базы и опоры государственной власти, но совѣмъ не къ захвату этой власти отдѣльными группами или классами. Это было бы политической реакціей, регрессомъ — до того момента, пока весь народъ, или подавляющее большинство, не превратились бы въ какой-то внутренне, а тѣмъ самымъ и политически, единый «классъ», въ націю. Съ исторической точки зрѣнія современная социалистическая «диктатура пролетариата» есть ничто иное, какъ реакціонная, олигархическая попытка къ «ограниченію самодержавія народа», къ ограниченію народной воли. И съ точки зрѣнія «классового» пониманія исторіи, которой руководствуется социалистическая мысль, за ширмой «диктатуры пролетариата» должна непременно скрываться какая-то олигархическая группа, которая и составляетъ истинную классовую пружину этой борьбы за власть. Всего вѣроятнѣе, что эту олигархическую группу, фактически пользующуюся знаменемъ «диктатуры пролетариата», составляютъ верхи современнаго финансоваго, банковскаго капитализма, верхи финансовой плутократіи, пользующейся ученіемъ о «диктатурѣ пролетариата», какъ демагогическимъ орудіемъ для захвата государственной власти при помощи «пролетариата», какъ «черни», говоря языкомъ олигархій. И хорошо еще, если эта банковская плутократія — дѣйствительно «интернаціональна», а не чисто «національна». Но болѣе правдоподобно, что и «интернаціонализмъ» этой современной олигархіи такая же демагогическая выдумка, какъ и ея «пролетарство» и «соціализмъ». Вѣрнѣе, что эта олигархія — узко національна, подавляющее большинство ея личнаго состава принадлежитъ къ одной національности, и именно къ той, которая играетъ наиболѣе активную роль и въ социалистическомъ, и въ революціонномъ движеніи — подъ знаменемъ «диктатуры пролетариата». Рано или поздно не только народы, но и «пролетариатъ» всѣхъ народовъ, поймутъ политическую сущность революцій именемъ «диктатуры пролетариата», поймутъ, что эти революціи ведутъ лишь къ захвату государственной власти, капиталистической олигархіей современной

эпохи, при томъ олигархіи главнымъ образомъ узко-національной — по преимуществу еврейской. И когда народы и «пролетаріатъ» поймутъ это, они увидятъ, что подъ знаменемъ будто-бы крайняго «демократизма» плутократическая демагогія, пользуясь, какъ орудіемъ, соціалистическими партіями, стремилось къ самымъ реакціоннымъ, регрессивнымъ формамъ организации государственной власти — къ олигархіи. Сущность русской большевистской революціи — только въ этихъ реакціонныхъ, регрессивныхъ планахъ еврейской плутократіи захватить политическую власть въ Россіи, пользуясь и внѣшними трудностями, ослабившими народъ и государство, и внутренней культурной слабостью русскихъ народныхъ массъ, поэтому такъ легко ставшихъ жертвой соціалистической революціонной демагогіи.

Соціалистическая революція въ Россіи — абсолютно антинаціональное и анти-историческое явленіе. Она — плодъ искусства плутократической демагогіи и исключительно счастливаго — для этой плутократіи — сочетанія внѣшнихъ условій. Въ этой яко-бы «русской» революціи нѣтъ даже того національнаго элемента, какой былъ въ движеніяхъ Болотникова, Разина или Пугачева: тамъ была идея раскрѣпощенія крестьянства, а здѣсь — только обманъ будто-бы раскрѣпощенія пролетаріата отъ капиталистическаго рабства, а на самомъ дѣлѣ — лишь усиленіе этого «рабства», путемъ передачи еще и политической власти узкимъ верхамъ того же капитала.

Но не было національной, исторической почвы и въ русской революціи февраля 1917 года. Она — тоже продуктъ счастливаго сочетанія внѣшнихъ условій для правявшихся, однако, въ моментъ начала революціи болѣе національныхъ круговъ русскаго общества, направявшихся, однако, въ моментъ начала революціи — не общимъ, эволюціоннымъ теченіемъ русскаго политическаго процесса, — стремившагося къ созданію болѣе широкой, болѣе демократической опоры для государственной власти, — а точно также какими-то внѣшними силами, уступчивость передъ которыми, или даже содѣйствіе которымъ было равносильно — для русскихъ національныхъ оппозиціонныхъ круговъ — ско-

рѣе прямой государственной измѣнѣ, чѣмъ разумному политическому дѣйствию.

Тотъ — истинно революціонный по существу, но — къ счастью для Россіи — эволюціонный по формѣ процессъ, который явился переломомъ въ Смутѣ нынѣшняго времени, опредѣлился въ освобожденіи крестьянъ Императоромъ Александромъ II и въ основныхъ идеяхъ его дальнѣйшихъ социальныхъ реформъ. Это моментъ — былъ уже началомъ историческаго разрѣшенія того кризиса русской государственности, который состоялъ въ недостаточности социальной опоры государственной власти. Съ момента, когда русское дворянство — изъ служилаго и вполне солидарнаго съ государственной властью сословія — стало сословно-привилегированнымъ классомъ и стало, какъ старое боярство, проявлять тенденцію къ «ограниченію самодержавія», т. е. къ ограниченію государственной власти, — эта власть уже исторически должна была искать болѣе широкой, т. е. и болѣе демократической социальной опоры для себя самой, т. е. и для государства. «Привилегіи» дворянства, создававшія нѣкоторую почву и для олигархическихъ стремленій отдѣльныхъ группъ этого класса, должны были парализоваться планомѣрнымъ расширеніемъ социальныхъ и политическихъ правъ другихъ сословій, другихъ классовъ. Извѣстная часть дворянства сама сознавала или чувствовала неизбежность такой «демократизаціи» государственной власти и потому была съ ней въ этомъ отношеніи достаточно солидарной. Она сама политически стремилась влиться въ ту новую, болѣе широкую, болѣе демократическую социальную базу для государственной власти, сознаніе которой властно диктовалось исторіей. И никогда, конечно, историческій процессъ не требуетъ и не даетъ фактической возможности расширеніе этой базы проводить «революціоннымъ» путемъ, какъ его понимаетъ социалистическая «диктатура пролетаріата»: полнымъ устраненіемъ отъ участія въ этой базѣ однихъ группъ или классовъ и замѣной ихъ исключительно другими группами или классами. Напротивъ, историческая эволюція требуетъ самаго бережнаго сохраненія всѣхъ живыхъ силъ, пригодныхъ для осуществленія историческихъ задачъ. Отсюда — постепен-

ный, а не революционный характер самых прогрессивных исторических задач при эволюции. И наша либеральная оппозиция совершала величайшую ошибку перед исторической эволюцией, нетерпеливо требуя от исторической государственной власти революционных способов «самоограничения», т. е. самоуничтожения. Либеральная оппозиция этим незамѣтно переходила въ революционную, сливалась съ ней и, попытавшись въ февралѣ 1917 г., дѣйствовать заодно съ ней, а фактически — подчиняясь ей, приняла участіе въ революционномъ *уничтоженіи* государственной власти, а съ ней — и въ уничтоженіи самого государства.

Революція внесла такимъ образомъ элементъ реакцій, регресса въ общій историческій процессъ русской государственности. Исторически законное, политически глубоко разумное и необходимое стремленіе русской государственной власти къ постепенному, эволюционному расширенію соціальной базы для себя и тѣмъ для укрѣпленія государства, было грубо опрокинуто, искажено и — на дѣлѣ — ослаблено революціей. Эту работу — расширенія соціальной базы для государственной власти — придется начинать чуть не съ начала. И только очищающее дѣйствіе горнила національных страданій, возбуждающее съ особенной силой національное и политическое самосознаніе народа, можетъ сыграть роль нѣкотораго «положительнаго» результата революціи, который облегчитъ новую тяжелую задачу русской исторіи, — возстановить прерванный революціей историческій процессъ укрѣпленія государственной власти на расширенной соціальной базѣ. Основнымъ источникомъ, изъ котораго государственная власть можетъ и должна искать активные элементы для дальнѣйшаго расширенія и укрѣпленія своей соціальной базы, являются низовые, трудовые слои народа — обширный классъ сельскихъ земледѣльцевъ и не столь обширный, но сплоченный своей концентраціей въ промышленныхъ центрахъ — рабочій классъ. Стремленіе государственной власти опираться и на эти два основныхъ низовыхъ класса вызывается не «натискомъ» этихъ низовъ на власти, а напротивъ — недостаточностью для государственной власти той опоры, какую она находила — до существенно измѣнившихся со второй половины XIX вѣка народно-хозяйственныхъ,

а вмѣстѣ съ ними — и социальныхъ и политическихъ условий жизни и развитія государства. На одно дворянство, какъ бы ни значительны были его государственныя заслуги въ прошломъ, его сравнительно большая культурность и опытность въ управленіи въ настоящемъ, государственная власть опираться — безъ ущерба для себя и для государства — не могла уже съ начала XIX вѣка. Она вынуждена была расширять свою социальную базу — то усиленіемъ бюрократіи, то — наконецъ — созданіемъ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ, однако, изъ государственной осторожности, она оставила на первыхъ порахъ — руководящую роль за тѣмъ же дворянствомъ, тѣми же верхами общества. Къ дворянству прибавилась интеллигенція, разношерстная по своему социальному составу, но — въ въ классовомъ смыслѣ сливавшаяся, или старавшаяся слиться съ тѣми же верхами. Наше самоуправленіе поэтому носило скорѣе все тотъ же «верховой» характеръ, а не коренной, низовой, органической, народный. Интеллигенція, слишкомъ малочисленная по сравненію съ низами и далеко не всегда низовая по своему социальному происхожденію, не могла внести низоваго, народнаго, скажемъ даже просто «мужицкаго» духа и въ самоуправленіе. Напротивъ, она легко превратилась — въ массѣ своей — въ обычную мѣстную бюрократію, со всѣми ея внутренними свойствами и качествами, а часть ея — къ еще большому уорну для народа — активно примкнула къ революціи, уже давно находившаяся въ антинаціональныхъ, социалистическихъ рукахъ. Твердой, солидной базы въ низахъ, въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи государственная власть, такимъ образомъ, и во второй половинѣ XIX вѣка все еще не имѣла. Она, вѣрнѣе, создавалась слишкомъ медленно, и въ критическій моментъ ея оказалась недостаточно для удержанія власти и самого государства въ должномъ равновѣсіи. Безполезно теперь ставить вопросъ, кто виноватъ въ этомъ? Поскольку государственная власть находилась все еще подъ наибольшимъ вліяніемъ культурнаго класса, и поскольку этотъ классъ все еще боролся за свое исключительное вліяніе и не усваивалъ мысли о томъ, что для государства въ цѣломъ уже выгоднѣе было усилить низовую опору власти, виноватъ,

конечно, и этотъ классъ. Поскольку интеллигентская оппозиція уклонялася въ сторону революціи, при томъ социалистической, виновата была и интеллигенція. Съ этой точки зрѣнія смутныя жалобы народа на «пановъ», конечно, справедливы. Но къ этимъ «панамъ» народъ безотчетно относилъ не только «помѣщиковъ и губернаторовъ», но и городскую и даже сельскую интеллигенцію. И устранить эту социальную-политическую неуравновѣшенность одними мѣрами «просвѣщенія», конечно, было нельзя. Винить государственную власть въ томъ, что она «искусственно задерживала просвѣщеніе», — чистѣйшій либеральный абсурдъ на пользу только революціи. «Просвѣщеніе», не носящее органическаго характера, создающее только маленькіе социальные верхи, а не служилыя силы для самого народа, для его низовъ, для реальныхъ потребностей народнаго хозяйства, — лишь усиливало бы эту социальную-политическую неуравновѣшенность и питало бы живыми силами революцію.

Болѣе реальный путь — организація мѣстнаго самоуправления на низовыхъ, демократическихъ началахъ: предоставить мѣстное самоуправленіе дѣйствительно массамъ, не сдавливая ихъ волю «культурнымъ» руководствомъ верховъ, подчиняя эту волю только общегосударственнымъ интересамъ, — таковъ былъ бы болѣе реальный путь вовлеченія низовъ въ активную базу для государственной власти. Культурные верхи, слабо вкрапленные въ низовую деревню, не должны претендовать ни на какія формальныя сословныя привилегіи въ самоуправленіи: помѣщикъ долженъ имѣть такой же голосъ, какъ и сельскій земледѣлецъ крестьянинъ. Если помѣщикъ, какъ гражданинъ, а не какъ дворянинъ, лично завоевалъ такое вліяніе, что являлся бы вождемъ мѣстныхъ силъ и приобрѣталъ бы соотвѣтственное вліяніе въ самоуправленіи, это — его реальное право, но не формальная привилегія. Если бы свободное низовое самоуправленіе не стало строить столько и такихъ школъ, больницъ и т. п., какъ при «культурномъ» руководствѣ, это дѣло самихъ низовъ, такъ же, какъ если бы они стали строить дворцы для своихъ школъ, больницъ и т. п. Можно не сомнѣваться, что въ общемъ «низовое» са-

моуправленіе было бы гораздо экономнѣе, скупѣе, проще, чѣмъ «культурное»; что ростъ «культуры» на мѣстахъ былъ бы медленнѣе, чѣмъ при «панскомъ» земствѣ; что ростъ «культуры» всего государства, поскольку низы постепенно распространяли бы свое политическое вліяніе и на болѣе центральные органы управленія и самоуправления, точно также былъ бы медленнѣе. Но онъ былъ бы *органичнѣе* и въ этомъ огромный плюсъ и для государственной власти, и для государства, — хотя, можетъ быть, нѣкоторый минусъ для «верховъ» — и для дворянства, формальныя привилегіи котораго вычеркивались бы, — но реальныя, въ силу личныхъ имущественныхъ и культурныхъ преимуществъ, нисколько не нарушались бы, и для интеллигенціи, которая едва ли могла бы играть столь вліятельную роль бюрократическаго «третьяго элемента» на мѣстахъ. Но лучше «мужицкая», но крѣпкая Россія, чѣмъ «культурная», но разъединенная въ самыхъ основахъ своего духа, своей соціальной солидарности и своей политической крѣпости. Въ свободно, демократически-самоуправляющейся «мужицкой» Россіи не было бы «соціалистической — еврейски-капиталистической революціи, въ конецъ разорившей государство и народъ.

Вовлеченіе крестьянства — во всей его массѣ и въ земледѣльческихъ его слояхъ въ особенности въ *активную политическую поддержку государственной власти* въ цѣляхъ расширенія соціальной базы этой власти, въ дополненіе къ старой исторической базѣ въ лицѣ дворянства, буржуазіи и интеллигенціи, — заключается та историческая цѣль и задача, выполненіе которой составляло внутреннюю сущность того политическаго процесса, который породилъ Смуту XIX—XX вѣка, жестоко и бессмысленно усугубленную соціалистической революціей, диктовавшейся внѣшними, но совсѣмъ не внутренними, національными факторами. Какъ, въ какихъ формахъ будетъ закончена эта историческая задача, начавшаяся съ 19 февраля 1861 г., это — дѣло будущаго. Но самая борьба за политическое возрожденіе и восстановленіе Россіи должна итти подъ этимъ основнымъ политическимъ знаменемъ; все направленіе дѣятельности государственной власти должно опредѣляться этой исторической задачей; а «правив-

шему» до сихъ поръ классу, какъ ни условно приходится понимать это политическое первенство нашего дворянства необходимо признать историческую неизбежность, а потому и законность, такого расширенія соціальной базы для государственной власти, — въ общегосударственныхъ интересахъ, — хотя бы это и оказалось связаннымъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ, вѣрнѣе — формальнымъ видоизмѣненіемъ, нѣкоторыхъ соціально-политическихъ привилегій класса. Возможно, что въ началѣ процесса возстановленія государства соціальныя низы, утомленные и истощенные революціей, окажутся политически еще менѣе активными, чѣмъ они были до революціи. Но въ дальнѣйшемъ прерванный революціей процессъ тяготѣнія и вовлеченія низовъ въ болѣе активную поддержку государственной власти, неизбежно долженъ будетъ усилиться и государственной власти, если даже она будетъ имѣть характеръ неограниченной самодержавной диктатуры, нужно будетъ не только не тормозить этого пробужденія политической активности низовъ, но всячески поддерживать его и направлять его въ русло національной государственности.

Только при этомъ — основномъ — условіи освободительный процессъ въ Смутѣ XX вѣка, какъ и въ 1613 году, приведетъ къ глубоко-положительному политическому результату: къ укрѣпленію національной государственной власти на болѣе широкой соціальной базѣ. Какъ тогда государственная власть, поддержанная *націей*, оказалась на болѣе вѣрныхъ, болѣе широко-національных, т. е. и болѣе демократическихъ позиціяхъ, чѣмъ тѣ слои, которые стремились лишь къ «ограниченію» ея, такъ и теперь революціонная оппозиція части соціальныхъ верховъ будетъ сломлена дружнымъ напоромъ пробужденнаго національнаго сознанія болѣе широкихъ низовъ, и государственная власть, а съ ней и все государство, возродится и окрѣпнетъ на болѣе широкой соціальной базѣ, поддержанной и низами.

Августъ, 1922 года.

Проф. Т. Локоть.

3,09 (1987)

РЛ 7150 У

390

Профессоръ Т. В. ЛОКОТЬ

Издательство „Двуглавый Орелъ“

- 1) Журналъ „Двуглавый Орелъ“
- 2) В. Рудневъ — Правда о Царской Семѣ
- 3) П. Н. Красновъ — Казачья Самостійность
- 4) Нилусъ — Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ
- 5) Ахадъ-Хамъ — Тайный вождь Іудейскій
- 6) Работа Большевиковъ — Альбомъ.

Издательство „СТЯГЪ“

- 1) Митропол. Антоній — Христосъ Спаситель и еврейская революція
- 2) С. С. Ольденбургъ — Государь Императоръ Николай II Александровичъ
- 3) В. Витухинъ — Золотые берега.

Того-же автора:

Завоеванія революціи (1921 г.)

Идеологія монархизма (1922 г.)

Адресъ Издательствъ: BERLIN W. 35, Lützowstr. 68¹.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И РЕВОЛЮЦІЯ

(Политическія параллели 1613-1917 г.)

Львів. Бібліотека
А. УРСР

Издательство „ДУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ“ Берлинъ
1923.